

БИБЛИОТЕЧКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА

ПЕРЕВОДНАЯ ФАНТАСТИКА

- Чего тебе, приятель?
- Я бы хотел пройти.
- Ну, так обойди.
- Не могу.
- Почему? Ты что, безногий?
- Вовсе нет. Но если я попробую обойти вас, то свалюсь в пропасть. Ваши стулья стоят на самом краю.
- Фил!.. Ты слышал что-нибудь подобное?»

Р. Шекли, «Варианты выбора».

МИКРОДЕТЕКТИВ

«...Гангстеры-шантажисты редко попадают в тюрьму по обвинению в шантаже и вымогательстве. Им предъявляется обвинение в чем-нибудь другом – обычно их судят за уклонение от подоходного налога. Однако им выносят суровый приговор... Фактически судья выносит приговор за все совершенные преступления, которые власти не могли доказать».

Д. Ритчи, «Собственное мнение».

МОЛОДЫЕ НФ-АВТОРЫ

«А тем временем у Агента № 49 кончилась выдержка. Сколько можно?.. Все нормальные шпионы уже передали добытые сведения и украденные документы, и уже спокойно спят, засунув под подушку кинжал. А он, один из лучших шпионов Бланеды, не знает в этом Королятнике ни сна, ни отдыха, ни дня, ни ночи... Уже несколько раз Агент № 49 откладывал главное дело... А теперь выдержка была на исходе, и он решил – хватит. Пора. Во что бы то ни стало – на этой неделе. Или на той. Или никогда».

П. Калмыков, «Школа мудрых правителей, или Истории Королятника».

Д. РИТЧИ

СОБСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

- Не виновен, – произнес упорно Генри Уотсон.
Стенли Веттер продолжал опрос присяжных:
- Ротвел?
 - Виновен.
 - Дженкинс?
 - Виновен.
 - Коулман?
 - Виновен, – ответил я.

¹ Ритчи Д. Собственное мнение. Пер. с англ. яз. А. Азарова. Лит. Россия. 1973. 20 апр.

Затем все одиннадцать уставились на Уотсона.

– Опять то же самое, – сказал Веттер. – Могу добавить, что и после двадцать шестого голосования у нас получается: одиннадцать за то, чтобы признать подсудимого виновным, а один – за оправдание.

Я тяжело вздохнул:

– Мне кажется, мы имеем дело с идиотом.

Уотсон вскочил:

– Послушайте, вы...

Веттер быстро поднял руку.

– Тише, тише, Уотсон. Уверен, что Коулман не хотел вас оскорбить.

– Я как раз это и хотел сделать, – решительно произнес я. – Никогда не встречал такого упрямого осла.

Веттер понизил голос и проговорил мне на ухо:

– Если мы будем вызывать у него антагонизм, то ничего не добьемся.

– Мы уже пытались уговорами взывать к его разуму, – пробормотал я, – но ничего хорошего из этого не вышло. Очевидно, это было бесполезное занятие с самого начала.

– Давай относиться к этому спокойно и не выходить из себя, – сказал Веттер. Он был человеком огромного роста и совсем слился с креслом, на котором сидел.

Я сердито посмотрел на Уотсона:

– Вы действительно верите в то, что О'Брайен ни в чем не виновен?

Тот заерзал на своем месте:

– Думаю, виновен. Но, мне кажется, вы не понимаете мою точку зрения. По-моему, власти штата просто не сумели доказать, что он убил Мэтта Тайсона.

– Может быть, это и так, сынок, – сказал Веттер. – Но ты ведь один-единственный, кто придерживается такого мнения.

Сдерживая раздражение, я начал терпеливо объяснять:

– В комнате кроме Дюка О'Брайена никого не было. Это была задняя комната табачной лавки. Свободный от работы полисмен покупал как раз в то время трубку, когда услышал выстрел. Он бросился в заднее помещение и, открыв дверь, обнаружил следующее: на полу лежал мертвый Мэтт Тайсон, в воздухе пахло порохом, а Дюк О'Брайен вылезал через окно. Полисмен преследовал О'Брайена несколько переулков и сделал один или два предупредительных выстрела. То ли по этой причине, то ли потому, что О'Брайен выдохся, но преследование закончилось в конце концов тем, что О'Брайен сдался полицейскому.

– Однако полиция так и не нашла оружие убийцы, – упрямо проговорил Уотсон.

– О'Брайена преследовали несколько кварталов через дворы и заборы, – продолжал атаку Ротвел, худой аптекарь, у которого был такой вид, словно родился он с головной болью. – На улице было темно, и во время преследования О'Брайен выбросил свой пистолет. А полиция начала обследовать этот район только утром. – Лицо Ротвела изобразило возмущение такой халатностью. – Что прежде всего сделал О'Брайен, когда его доставили в полицейский участок? Он потребовал свидания со своим адвокатом, и полиция это ему разрешила. И я вам скажу, о чем О'Брайен попросил адвоката. Он сообщил ему, куда выбросил пистолет, а адвокат связался с одним из дружков О'Брайена, который той же ночью подобрал пистолет.

– Но Дюк заявил, что у него не было пистолета.

– Он имел при себе плечевую кобуру. Пустую плечевую кобуру. Носил бы он ее, если б у него не было пистолета?

– Дюк сказал, что всегда носил пистолет, но как раз в ту ночь забыл взять его с собой.

Ротвел на несколько секунд закрыл глаза.

– Полиция обнаружила следы пороха на правой руке О'Брайена.

– Знаю, – согласился Уотсон. – Но О'Брайен сказал, что двумя часами раньше он тренировался в стрельбе по мишени. Поэтому следы и появились.

У Ротвела был сейчас такой вид, будто он собирался заплакать. Он закусил губу.

В это время послышался стук, и в дверях показались голова и плечи посыльного.

– Судья хочет знать, вынесли ли вы, наконец, решение.

Я нахмурился:

– Вы думаете, мы бы все еще сидели здесь, если б решение было принято?

Тот попятился,

– Нечего на меня накидываться. Судья просто попросил узнать.

Мисс Дженкинс, школьная учительница с решительным характером, заговорила так, будто Уотсон учился у нее в третьем классе:

– Вы же знаете, что Дюк О'Брайен плохой человек, не правда ли?

– Гм... да.

– Он гангстер и шантажист, не так ли?

– Думаю, что да, но...

– Он руководит преступным миром нашего города, ведь правда? Будь то наркотики, азартные игры или... – Она слегка покраснела. – Или другие вещи. Он ведь осуществляет контроль над всем?

– Да, – произнес Уотсон с отчаянием в голосе. – Но его судят не за это. Его судят за убийство.

– Мистер Уотсон, – проговорила мисс Дженкинс сурово, – вы упрямец, упрямец...

Уотсон обратился к нам:

– Если Дюк О’Брайен такой уж преступник... если он стоит во главе целой организации с убийцами и прочее... зачем же ему нужно было убивать Тайсона самому? Он бы мог поручить эту работу кому-нибудь другому, находиться в это время за много миль от места убийства и иметь алиби.

– Это произошло неожиданно, – вступил Ротвел. – А табачная лавка служила просто местом для разного рода сборищ. О’Брайен с Тайсоном не ладили. О’Брайен вышел из себя и застрелил Тайсона. А вам нужны еще свидетели?

– Да, но...

– Мистер Уотсон, вы знаете, что такое косвенные улики?

– Да, но я все еще убежден, что судебные власти штата не имеют...

Теперь вступил я:

– Предположим на минуту, что вы умный человек. Тогда почему же О’Брайен убежал, если был невиновен?

– Он сильно испугался.

– А как все это объясняет сам О'Брайен?

Уотсон потер шею:

– О'Брайен сказал, что он и Тайсон просто разговаривали, когда через открытое окно кто-то выстрелил.

Я натянуто улыбнулся:

– Через открытое окно? На улице было три градуса. Кому это захочется держать окно открытым в такую погоду?

– О'Брайен сказал, что в комнате было дымно.

– Обвинение установило, что ни О'Брайен, ни Тайсон не курят.

– О'Брайен сказал, что в комнате было накурено, когда он с Тайсоном вошел туда.

– О'Брайен сказал, О'Брайен сказал! – резко прервал его Ротвел. – Вы верите всему, что говорит О'Брайен. Почему? – Он наклонился вперед. – Не собираетесь ли вы купить новую машину в случае, если опять не будет единогласного решения присяжных?

Уотсон побледнел:

– Послушайте, я не позволю так говорить со мной. Я требую, чтобы вы извинились.

Миротворец Веттер поднял руку:

– Мне кажется, мы устали и здорово проголодались. А что, если устроить перерыв?

Мы послали за бутербродами и кофе.

Веттер, Ротвел и я собрались с чашками на одном конце длинного стола.

Ротвел ел вяло.

– А не может ли этот суд окончиться так же, как и первый?

Веттер вздохнул.

– Будем надеяться, что нет.

Ротвел сердито посмотрел на Уотсона, который ел в одиночестве.

– Он не настолько глуп, чтобы покупать машину. Спрячет деньги подальше и будет держать их там до тех пор, пока не минует опасность.

– Не будем делать поспешных выводов, – сказал Веттер, – Может, он честно верит, что виновность О'Брайена не доказана.

Дюка О'Брайена судили по делу об убийстве Мэтта Тайсона уже второй раз. Первый суд не привел к единогласному решению присяжных. Одиннадцать присяжных голосовали за признание подсудимого виновным, один – за оправдание. Через три дня после роспуска присяжных тот, кто голосовал за оправдание, купил новую машину. Эго заметили соседи, и это же самое не ускользнуло от внимания властей. К тому же было обнаружено, что днем раньше он внес в банк на свой текущий счет пять тысяч долларов.

Тот присяжный находился сейчас под следствием, и хотя он полностью все отвергал, было ясно, что Дюку О'Брайену удалось склонить его на взятку.

Мы подождали, пока посыльный убрал чашки, а затем заняли места вокруг стола.

Первым заговорил Веттер:

– Мистер Уотсон, правосудие осуществляется специфическим образом.

– Специфическим?

Веттер кивнул головой.

– Вы, наверное, читали об осужденных гангстерах-шантажистах, не правда ли?

– Конечно.

– И вы, по видимому, заметили, что они очень редко попадают в тюрьму по обвинению в шантаже и вымогательстве. Им предъявляется обвинение в чем-нибудь другом – обычно их судят за уклонение от подоходного налога.

– Да, это правда.

– Однако им выносят необычайно суровый приговор, не так ли? Десять-пятнадцать лет?

Уотсон не ответил.

Веттер улыбнулся,

– К тем, кто уклоняется от уплаты налогов, суд относится довольно снисходительно. Их присуждают к штрафу, быть может, к условному наказанию, а иногда очень короткому сроку тюремного заключения. Но гангстеру-шантажисту выносится максимальный приговор, присуждается максимальный штраф.

Уотсон опустил голову. Веттер продолжал:

– Значит, вы понимаете? Фактически судья выносит приговор не за уклонение от подоходного налога, а осуждает за все совершенные преступления, которые власти не могли доказать.

Уотсон вздохнул.

– Я понимаю вашу мысль, но тем не менее...

– Даже если вы и не считаете, что виновность О'Брайена в этом конкретном преступлении доказана, вы ведь, несомненно, должны знать, что он повинен в совершении многих других преступлений. Да вы бы и сами признали

его виновным за все те преступления, которые он совершил за свою жизнь.

– Да, – неохотно согласился Уотсон. – Но тюремное заключение – это одно, а... если мы признаем его виновным, то по законам нашего штата ему грозит смертный приговор.

Ротвел приподнялся со своего места.

– Так поэтому вы против решения о его виновности? Потому что его отправят на электрический стул?

Уотсон избегал смотреть на Ротвела, который повысил голос:

– Перед тем как вас выбрали в присяжные, вам задавали вопрос: возражаете ли вы против смертной казни? И, очевидно, вы на возражали, иначе не находились бы сейчас в этой комнате.

Уотсон покраснел.

– Я не возражал... не возражаю. Но этот Тайсон был далеко не лучшим представителем наших граждан – и О'Брайен почти сделал обществу одолжение... – Он проглотил слюну. – Не кажется ли вам, что в этом случае смертная казнь – слишком суровая мера наказания?

Наступила тишина, затем заговорил Веттер:

– Сынок, ты хочешь, чтобы убийцы ходили на свободе по этой земле?

– Нет. Конечно, нет. – Уотсон глубоко вздохнул. – Но предположим, что мы сейчас не вынесем единогласного решения. Это еще не значит, что О'Брайен будет выпущен на свободу. Власти штата будут судить его снова, и он будет признан виновным в следующий раз.

– Мистер Уотсон, вы понимаете, что говорите? – воз-

мутилась мисс Дженкинс. – Вы считаете, что О'Брайен действительно виновен, однако хотите, чтобы кто-то другой делал эту... грязную работу.

Веттер печально покачал головой.

– Вы, значит, думаете, что власти штата будут судить О'Брайена снова?

Уотсон поправил воротник.

– Конечно.

Веттер горестно улыбнулся.

– Возможно, но я сильно сомневаюсь. Теоретически власти штата могут судить О'Брайена бесконечно, до тех пор, пока не будет вынесен определенный приговор в ту или иную сторону. Но когда присяжные не приходят к единому мнению, то прокуратура начинает сомневаться. А стоит ли связываться с этим делом, тратить время, деньги только для того, чтобы снова судить О'Брайена и, возможно, опять не достичь единогласного решения присяжных? А может быть, даже получить вынесение оправдательного решения? Возможно, прокурору просто все это надоест и он скажет: «Если я не могу найти двенадцать честных присяжных, которые имели бы мужество посадить О'Брайена туда, где ему следует быть, то пусть все катится ко всем чертям. Мы выпустим его на свободу. Этого-то и заслуживают почтенные граждане. И в этом виноваты они сами».

Было видно, что Уотсону стало не по себе.

– Может произойти и другое, – продолжал Веттер. – Полицейский, который задержал О'Брайена, вдруг забудет все, что видел. Он, вероятно, как и все, должен выплачивать закладную за собственность, и если он поймет, что

О'Брайен может и дальше платить за спасение от электрического стула, то почему бы и ему не получить часть этой суммы.

– Послушайте, Уотсон, – сказал Ротвел. – Вы ведь не посылаете О'Брайена на электрический стул только за одно это убийство. Возможно, он и не заслуживает электрического стула за то, что отделался от Тайсона, но достоин ли он находиться на свободе?

– Сынок, – проговорил Веттер. – Ты полагаешь, это единственный случай, когда О'Брайен явился причиной чьей-то смерти? Каждый раз, когда ты читаешь, что кого-то нашли мертвым в багажнике собственной машины, ты ведь знаешь, черт побери, очень хорошо, чьих это рук дело.

– В любом случае, – сказал я, – О'Брайен заслуживает того, чтобы изжариться на электрическом стуле.

Уотсон вздохнул.

– Мистер Уотсон, – тихо спросила мисс Дженкинс, – у вас есть дети?

Уотсон кивнул головой:

– Двое. Мальчику – четырнадцать лет. Девочке – семнадцать.

– Вы думаете, они будут вами гордиться, если вы выпустите О'Брайена на свободу? Если вы увильнете от своего долга?

Уотсон ничего не ответил. Мисс Дженкинс продолжала:

– Вы знаете о торговле наркотиками в нашем городе, не так ли? А сколько учащихся средних школ стал наркоманами благодаря О'Брайену и ему подобным?

Наступила долгая пауза, затем Уотсон поднял глаза.

– Вы правы, – вздохнул он. – Вы все правы. Я вел себя... как трус.

Веттер весь просиял.

– Давайте оформим это по всем правилам. Я буду называть фамилии по списку.

Когда подошла очередь Уотсона, он встал.

– Виновен, – произнес он твердо.

Веттер одобрительно кивнул головой и продолжал:

– Ротвел?

– Виновен.

– Дженкинс?

– Виновен.

– Коулман?

– Не виновен, – сказал я.

Все уставились на меня. Я встал.

– Мне внезапно пришла мысль, что мы нарушаем один из элементарнейших принципов правосудия. Мы выносим обвинительный приговор О'Брайену за то, что мы о нем думаем, а не за то обвинение, по которому его судят.

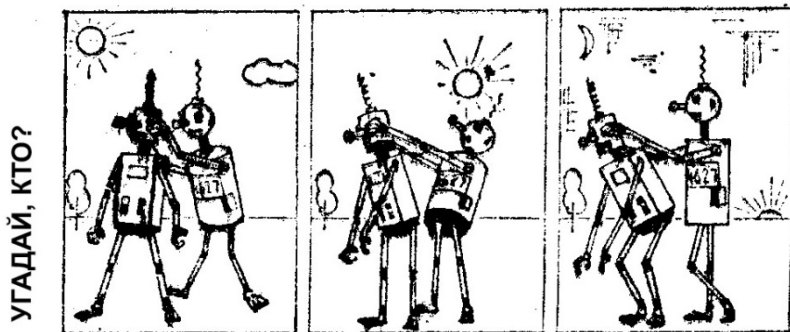
Но это, конечно, не была та настоящая причина, по которой я голосовал против.

Пока Уотсон стоял на своем, дела шли удовлетворительно. Для меня было б лучше, если бы из-за него жюри присяжных не пришло к единому мнению, и поэтому я все время вызывал у него антагонизм и оскорблял его, надеясь этим поддержать в нем упорство.

Но сейчас Уотсон изменил решение.

Я смотрел на одиннадцать удивленных присяжных и понимал, что теперь мне придется зарабатывать свои деньги. И делать это надо убедительно.

Ведь как-никак, а О'Брайен мне дал десять тысяч долларов, чтобы решение присяжных наверняка не было единогогласным.

Первый? Нет. 1843-й? Нет. 3672-й? Нет...

“Наука и жизнь” № 9, 1966 г.

С. МАРТИНЕС

РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО

Свидетельство о смерти
Фамилия, имя – Крамм, Кларисса.

² Мартинес С. Ради всего святого. Сокращенн. пер. с англ. Вл. Гакова. Наука и религия. 1975. № 6

Число – 9 июля 1950 г.

Место жительства – Принстон Армз Апартамент, Чикаго, графство Кук, Иллинойс.

Дата рождения – 20.11.1902.

Дата смерти – 04.07.1950.

Диагноз – смерть от несчастного случая.

Время смерти – 16.27.

Семенное положение – не замужем.

Пол – женский.

Расовая принадлежность – белая.

Лечащий врач – д-р Р. Дж. Бэкон.

Непосредственная причина смерти – отравление птомеином (см. приложенный протокол вскрытия).

Подпись: *Карл Стаббс, коронер графства.*

«Чикаго Трибюн» за 05.07.1950

ОПЯТЬ ОТРАВЛЕНИЕ

Ежегодный пикник Женской Антиникотиновой Лиги, состоявшийся вчера, закончился трагически: смертью одного человека и госпитализацией еще одиннадцати. Как говорят, причиной отравления явилось несвежее мясо. Сразу же после ленча с мисс Клариссой Крамм, жительницей нашего города, случились конвульсии. На пути в больницу она скончалась.

На протяжении длительного времени мисс Крамм принимала активное участие и общественных мероприятиях и стояла во главе многих религиозных и гражданских реформистских движений.

Родственники покойной – два брата и сестра – также

проживают в Чикаго. Сообщается, что похороны состоятся в четверг после полудня. Приглашаются все, кто знал покойную.

Заявление о принятии в царствие небесное

Проситель – мисс Кларисса Крамм.

Разряд – смертная с Земли.

Род занятий – писательница, лектор, активный участник реформистских движений.

Религиозная принадлежность – христианка, протестантка.

Другие виды деятельности – участие в организации по Борьбе с пороками; Священный Союз Трезвенности; Женская Антиалкогольная Лига, член правления; Женское общество Религиозного Воспитания, председатель; Комитет по запрещению Комиксов и др.

Примечание. Моя жизнь была жизнью истинной христианки, преданной делу служения ближнему своему и отращения его от стези порока. Посему я не вижу причин, которые могли бы препятствовать моему принятию в сонм блаженных.

Подпись: *Кларисса Крамм.*

Бланк допуска

Архивный отдел.

Имя – Кларисса Крамм.

Дело – КД 679, 331, 095.

Том – 7, 472, 621.

Страницы – 79, 325 – 79, 336.

В личном деле просительницы не содержится никаких отметок о совершенных грехах. За свою жизнь проситель-

ница совершила 3742 богоугодных дела, не считая активного участия в организациях, список которых прилагается.

Ариэль, ангел-регистратор.

Назначение на должность

Соискатель – мисс Кларисса Крамм.

Ваше заявление о принятии Вас в Царствие Небесное получено и рассмотрено в соответствующих инстанциях в положительном смысле. Настоящим Вы причисляетесь к лику блаженных. Вы приписаны к секции ЗП-847 Небесного Хора. О Ваших непосредственных обязанностях Вам будет сообщено на месте. Аминь!

Святой Петр, Хранитель Врат Небесных.

Расписка в получении

Белое платье, 44-й разм. – одно.

Крылья, разм. средний – одна пара.

Нимб. 6-й разм. – один.

Арфа – одна.

Получила Кларисса Крамм.

**Святому Петру
Хранителю Врат.**

Глубокоуважаемый Сэр!

Надеюсь, что Вы не сочтете мое письмо выражением недовольства, мое благоговение перед Царством Небесным слишком глубоко, чтобы проявлять подобное чувство. Однако я не могу удержаться от высказывания определенных критических замечаний, относящихся, конечно, не к самому порядку, но к некоторым личностям, недобро-

совестно относящимся к возложенным на них обязанностям.

Прежде всего, меня удивляет – по меньшей мере! – принцип отбора репертуара. Вместо строгих, величавых хоралов небесный хор зачастую позволяет себе обращаться к произведениям пошлым и бессодержательным, при этом совершенно предаются забвению возвышенные цели, стоящие перед хором. Приходится с сожалением констатировать, что даже тогда, когда хор обращается к хоралам, их аранжируют явно в модернистском духе. Недавно я с ужасом обнаружила, что даже «Аллилуйя» исполняется в джазовом переложении! Я сочла своим долгом обратить внимание хормейстера на эти вопиющие факты, но Гавриил отнесся к моим замечаниям с легкомыслием, граничащим, на мой взгляд, с форменным попустительством. Вы не поверите: он зашел так далеко, что позволил сказать себе буквально следующее: «А по-моему, так нет ничего лучше пары таких забористых вещичек, чтобы оживить этих лежебок и заставить их кричать: «Славься!»».

Признаюсь, я была крайне шокирована. Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой о принятии должных мер в целях исправления данного прискорбного положения дел вплоть до освобождения Гавриила от его обязанностей.

Искренне Ваша Кларисса Крамм.

Дорогая мисс Крамм!

Ваша жалоба получена и все обстоятельства дела тщательно расследуются. Просим Вас и впредь представлять Ваши предложения или пожелания, направленные на повышение эффективности работы небесных служб. Вы мо-

жете быть уверены, что все Ваши замечания будут изучены самым скрупулезным образом.

Святой Петр, Хранитель Врат

Докладная записка

Кому – Св. Петру.

От – Гавриила.

Ей-богу, Пит, я рехнусь! Эта Крамм у меня уже в печенках сидит! Ей все не в жилу – вчера ребята попробовали слегка разнообразить старый негритянский спиричуэл, так она аж на стенку полезла! Начала вопить, что наша музыка святотатственна, аморальна и вообще, мол, упадочна... И всего-то чуть прибавили ритму! Я, слава богу, не первое столетие на этом посту, и вот впервые меня обучают, как руководить моим хором. Убери ты ее, ради всего святого, от нас, пока она тут всех не доконала!

Гавриил.

Извещение

Дорогая мисс Крамм.

Настоящим извещаем Вас, что Вы освобождаетесь от обязанностей члена небесного хора, и Вам предлагается до получения последующего извещения проводить время в размышлениях и молитвах. Да пребудет мир с Вами!

Св. Петр, Хранитель Врат.

Св. Петру,
Хранителю Врат.

Уважаемый Сэр!

Смею верить, что наши стремления к вящей славе гос-

подней совпадают. Посему предлагаю Вам отнестись с необходимым вниманием к моим замечаниям.

Считаю долгом отметить следующее: среди ангелов и даже некоторых святых наблюдается прискорбное падение нравственности. Следует помнить – мы в Царствии Небесном, где не должно быть места легкомыслию и праздности.

Львиная доля времени, предназначенная для молитв и размышлений, проводится в праздном веселье. Смех должен быть изгнан из святая святых, а обитателям Рая надлежит относиться к своим обязанностям с максимальной серьезностью.

Кроме того, внешний вид многих ангелов, особенно это относится к молодежи, по меньшей мере, предосудителен: крылья запущены, не подстрижены, нимбы носят, заломив на бок и т. д. Мы не кто-нибудь, а обитатели Рая, и наш внешний вид должен вполне соответствовать этому высокому званию.

Искренне Ваша Кларисса Крамм.

Дорогая мисс Крамм!

Ваша жалоба направлена Божественному Совету. Если Вас интересует мое личное мнение, – я не нахожу смех и веселье чем-то противоположенным... но, разумеется, я не вправе что-либо решать самостоятельно.

Св. Петр, Хранитель Врат.

Докладная

Кому – Св. Петру.

От – Божественного Совета.

Вам там что – делать нечего?!

Моисей

Св. Петру
Хранителю Врат.

Дорогой сэръ!

Несмотря на Вашу медлительность в принятия необходимых мер, я считаю своим христианским долгом сообщить о тех вопиющих нарушениях порядка, которые я замечаю на каждом шагу.

Ангелы летают, как им заблагорассудится. Какой бы то ни было контроль за их передвижением отсутствует. Неумеренное потребление отдельными личностями амброзии и нектара приводит к ужасающему падению нравственности. Воскресные службы не отправляются. Позвольте предупредить Вас, что если Вы и в дальнейшем будете столь пассивны, то мне не останется ничего другого, как самой обратиться в вышестоящие инстанции.

Ваша Кларисса Крамм.

Докладная записка

Кому – Моисею,
От – Св. Петра.

У меня возникло затруднение, за разрешением которого я хотел бы обратиться к Совету. Дело в том, что к нам недавно поступила дама, которая постоянно предъявляет самые разнообразные претензии буквально по любому поводу. Ей не нравятся наши порядки, и она горит желанием все изменить. Если вы и в этот раз откажетесь что-либо предпринять, я буду вынужден отказаться от места.

Петр

Выдержка из протокола заседания Божественного Совета:

Моисей. Следующий вопрос повестки дня.

Павел. Мисс Кларисса Крамм. Из сопроводительной записки Петра явствует, что она недовольна всеми нашими порядками.

Иоанн. Никак радикал?.. Это должно быть любопытно.

Моисей. Пригласите, пожалуйста, мисс Крамм... Добрый день, мисс Крамм! Как я понимаю, у Вас имеются некие претензии...

Мисс Крамм. И еще какие! Я считаю, что контроль за моральным обликом представителей сонма небесного поставлен из рук вон плохо. Ангелы обоих полов свободно общаются, а всякое наблюдение отсутствует. Кто знает, что они там делают за облачными грядками...

Моисей. Я полагаю, мисс Крамм, что мы выше всяких искушений.

Мисс Крамм. Господи, да нет же ничего проще! Создать женское и мужское отделение Царствия Небесного.

Моисей. М-м-м... Боюсь, что это невыполнимо. Что еще?

Мисс Крамм. Тогда надо обязать всех обитателей Рая носить нижнее платье.

Моисей. Что-что?

Мисс Крамм. Ну... нижнее белье. По-моему, то, что носят сейчас, в высшей степени безнравственно. Как можно сосредоточиться на возвышенном, когда поблизости какая-нибудь вертихвостка буквально... одним словом, выставляет себя напоказ. А эти херувимы, порхающие бук-

вально... нагишом, даже без фиговых листочков... стыд!

Моисей. Я не думаю, мисс Крамм, что наши одеяния настолько непристойны...

Мисс Крамм. Да неужто? Поглядите-ка на себя! Вы, возможно, полагаете, что эта волосатая грудь вам идет, а по-моему, это просто возмутительно!

Моисей. Гррм... Возможно, возможно... Вероятно, вы правы... Смею вас уверить, Совет отнесется к вашим замечаниям с полным вниманием.

Мисс Крамм. Да уж, пожалуйста!.. А то я начинаю уставать от этих разговоров. Если и теперь ничего не будет сделано, придется, видимо, мне самой заняться этими вопросами!

Моисей. Нет, нет, мисс Крамм, что вы... в самое же ближайшее время... обязательно... Илья, будьте добры, проводите мисс Крамм...

Иоанн. Господи, да сколько же это тянулось?!

Моисей. Да уж порядком... И надо кончать с этим как можно скорее... Ваши предложения, джентльмены?

Ной. Надо подать докладную Вседержителю.

Лука. Так будет вернее.

Моисей. Аминь...

Внутриведомственная

Кому – Его Божественному Величеству.

От – Его Дьявольского Величества.

Ну, спасибо, старина, ублажил ты меня! Тот экземпляр, который ты прислал недавно... Сначала я решил, что ты немного не в себе, но потом сообразил, куда ты метил. Мы тут помираем со смеху, наблюдая за тем, как старушенция

пилит грешников, расписывая им их прегрешения. Бабуся просто клад – за последнюю неделю интенсивность мучений выросла в среднем на 37 процентов. Она оказалась настолько полезной, что я назначил ее своим заместителем... Если попадется еще что-нибудь в том же роде, присылай сразу! Я в долгу не останусь. Всего наилучшего,

Люцифер.

СХВАТКА

В то время повозка, следующая от деревни к деревне для "сбора" лиц, совершивших небольшие преступления, называлась "собираетель гнилой травы". В этой повозке преступников доставляли в город, где их ждал суд.

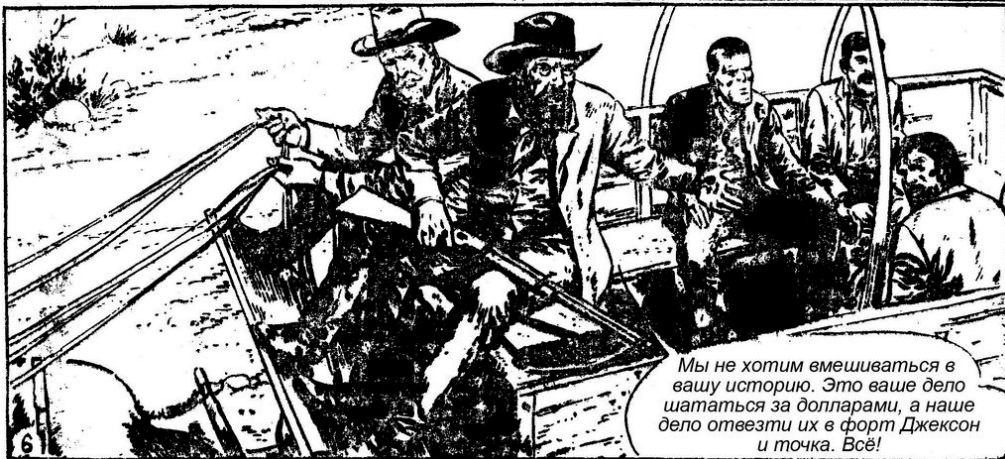

Привет! Мы везем 50000 долларов!

Это хорошая сумма, но почему ты нам об этом рассказываешь?

Потому что пятнадцать типов гонятся за нами. И защищаться лучше четвером, чем вдвоем. Вы ведь под защитой закона!

Мы не хотим вмешиваться в вашу историю. Это ваше дело шататься за долларами, а наше дело отвезти их в форт Джексон и точка. Всё!

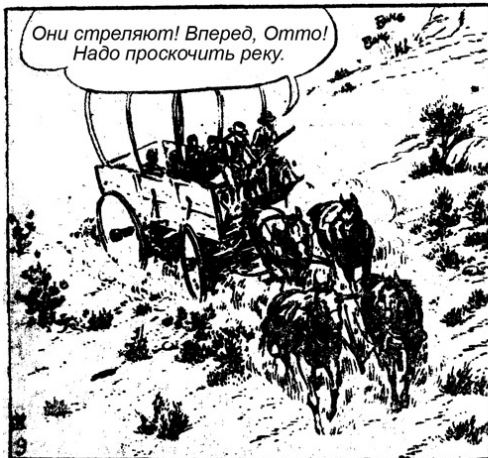

Надеюсь, у вас не будет с ними неприятностей.

Тедди и Л'Арош были уже далеко, когда раздались выстрелы.

Они разговаривали с возничими. Нельзя оставлять свидетелей.

Они стреляют! Вперед, Отто!
Надо проскочить реку.

Тедди и его товарищ
уже пересекали реку. Она
была широкая, но не
глубокая. Прибрежные
скалы оставляли только
один проход.

10

Под прикрытием Тедди и Л'Ароша
повозка пересекла реку, когда...

НЕСЧАСТЬЕ!

Пули преследователей
попали в двух
лошадей.

Вы теперь в
одной лодке с нами!
Слезайте скорее!

13

...и они вернулись на берег.

Они ещё
полезут!

Мы не хотим вмешиваться
в это дело. Если мы и попали
в этот переpleт, то по вашей
вине.

44

Что сделали
эти люди?

Нарушали тишину
в состоянии опьянения,
драка и другие
проступки.

Ничего серьезного, им
грозят несколько недель
тюрьмы.

Освободите их и
раздайте оружие.
Восемь лучше, чем
четыре.

45

16

Чего вы ждете?
Почему не освободите
этих людей?

Никогда!
Ты слышишь?
НИКОГДА!

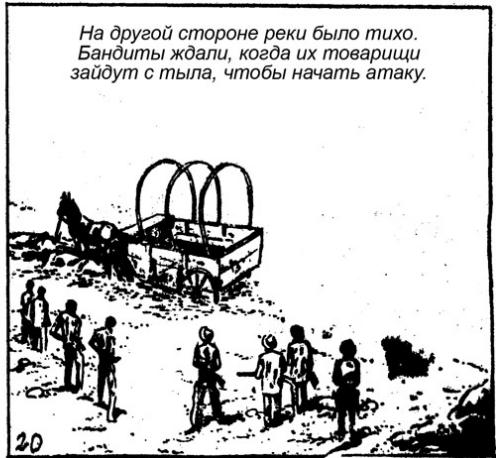
Сними с них
наручники!

18

Отдайте им ваши револьверы,
а мы отдадим наши.

Это
сумасшествие.

На другой стороне реки было тихо.
Бандиты ждали, когда их товарищи
зайдут с тыла, чтобы начать атаку.

20

... Но ты, ковбой - доброе сердце,
ты решил нам помочь. Как
ты додумался освободить
этих молодцов?

ооох!

?

Тедди побледнел.
Из-за повозки вышли
двое.

Я знал, что они
предадут нас!

Где остальные?

Джон и Стив пошли
немного прогуляться.
И дьявол знает, почему
мы не пошли с ними.

Что ты скажешь на это?
Твои протеже пошли
обрадовать наших
противников.

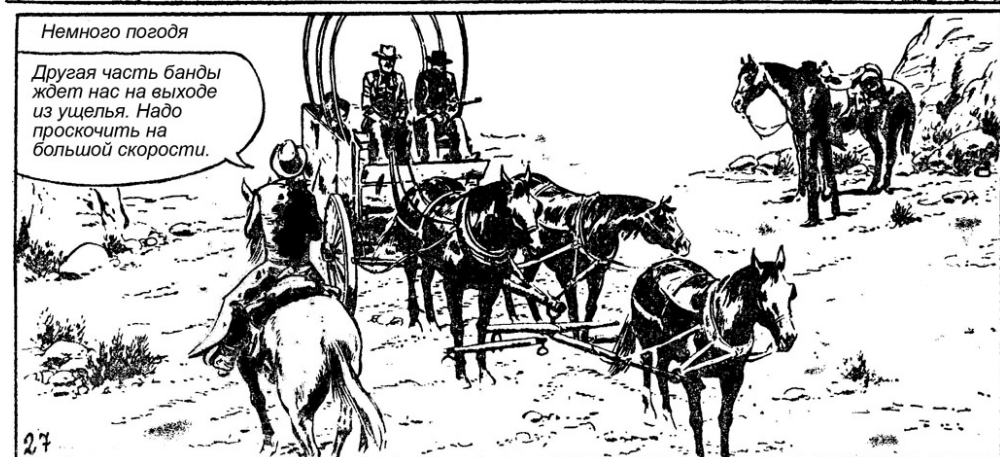

Они атакуют!

Не стреляйте!
Это наши
парни.

Нам надоело безделье, и мы сказали
друг другу, что можно весело
провести время, возместив
потерю лошадей
- взяв их у врага.

Немного погодя

Другая часть банды
ждет нас на выходе
из ущелья. Надо
проскочить на
большой скорости.

Лошади на пределе,
они не выдержат этой
гонки

В миле отсюда
почтовая станция.
Гони туда!

34

Когда преследователи приближались,
частый огонь с повозки сдерживал их.

БАХ БАХ

35

Но луна внезапно скрылась в облаках
и стрельба прекратилась.

Они, наверное,
поехали к почтовой
станции.

36

Слушайте меня! Бросьте
нам сумку с деньгами,
и все кончится
хорошо.
Если нет..

**БАХ
БАХ**

37

Если вам нужна сумка,
так идите и возьмите!

БЗЫК

38

Дверь открылась перед Тедди.

Ну, как твой капкан?
Ты им дал
сбежать?!

Нет, Отто,
они все
здесь.

Л'Арош бесстрашно сторожил бандитов.

А где наши
четыре парня?

После того,
как они помогли
нам схватить
этих...

...они нам вернули наши и ваши
револьверы и пошли искать лошадей
бандитов.

Лошадей?
Чтобы
потом
сбежать?

Они сбежали, а вы даже
не пошевелили пальцем!

Они очень спешили, правда,
Л'Арош?

Это правда,
и мы не смогли
в них выстрелить

Отто и Клен никогда не узнают...

... что произошло на самом деле.

Еще раз спасибо за помощь.
Берите лошадей и бегите,
удачи!

Забудьте своих
парней, мы им
многим обязаны.

Ты так говоришь,
потому что спас
свои деньги, а мы
вернемся с пустыми
руками.

С пустыми руками? А это?
Никогда вы не приведете
судьям Джексона такую
партию преступников.

После тяжелой ночи, наконец, наступил день.

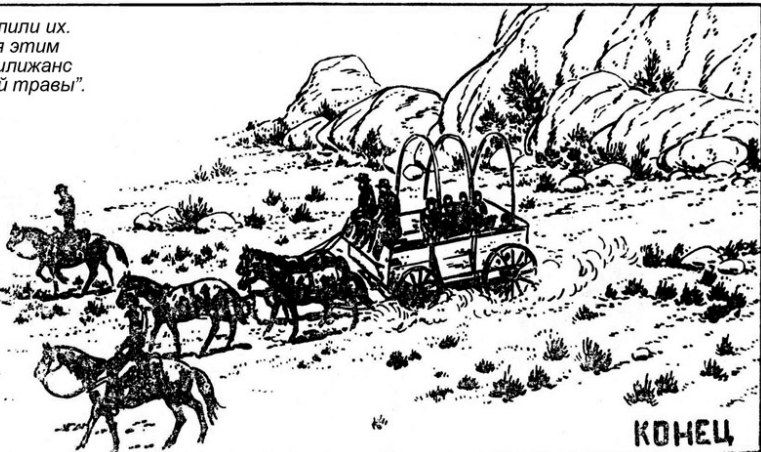
52

Когда повозка
выехала на дорогу,
Отто и Клен перестали
бубнить. Возможно,
они не верили
словам Тедди и
Л'Ароша....

53

...но они больше не злили их.
И потом, благодаря этим
ковбоям, они везли дилжанс
преступников - "гнилой травы".

54

КОНЕЦ

ЛЮБОВЬ В XXI ВЕКЕ

ПЛАТЬЕ стояло на пьедестале в витрине салона фирмы «Большой Джим». Надпись на пьедестале гласила: «Всего 6499 долларов 99 центов – и эта прелестная новая модель «шевроле» ваша! Щедрая скидка, если вы оставите у нас свое старое платье-автомобиль! Дополнительно получаете даром шляпку-шлем!»

От восхищения Арабелла нажала на тормоза. Потрясающее платье! В жизни такого не видела! И за какие-то 6499 долларов 99 центов! Продавец в двухцветном «бьюике» двинулся ей навстречу, когда она вкатила в дверь.

– К вашим услугам, мадам! – произнес он вежливо, но во взгляде его, устремленном на ее наряд, сквозило презрение.

Щеки Арабеллы залила краска стыда. Может быть, платье и вправду давно было пора сменить. Может быть, мама права, говоря, что она совсем не следит за своими

³ Янг Р. Любовь в XXI веке. Перевод с англ. яз. Гержевича Э. и Жукова Дм. Ровесник. 1968. № 4.

нарядами.

– Платье в витрине... – сказала Арабелла. – А... это верно, что шляпка-шлем дается бесплатно?

– Совершенно верно. Хотите примерить?

– Да.

Продавец развернулся к двустворчатой двери в конце комнаты.

– Говард! – позвал он. Створки раздвинулись, и в комнату въехал молодой человек в голубом комбинезоне фасона «пикап».

– Да, сэр?

– Отбуксуйте платье с витрины в примерочную и подберите к нему шляпку-шлем.

Примерочная находилась сразу за двустворчатой дверью направо. Молодой человек привез платье, потом направился за шляпкой. Он нерешительно протянул ее Арабелле и как-то странно на нее посмотрел. Арабелла заперла дверь и торопливо переоделась. Она надела шляпку-шлем и взглянула в большое трюмо. У нее перехватило дыхание. Поначалу ее немного смущал раздвоенный турнюр (платья, которые она обычно носила, были намного скромнее), но блестящая хромированная решетка радиатора и выпуклые крылья сделали ее фигуру неузнаваемой. Ну, а что касается шляпки-шлема, то она не представляла, что простая шляпка может так изменить внешность. Это была уже не усталая девушка, захавшая в магазин после службы, теперь это была Клеопатра... Вирсавия... Прекрасная Елена.

Робко выехала она из примерочной. Что-то похожее на благоговейный страх промелькнуло в глазах продавца.

– С тех пор, как у нас появилось это платье, – сказал он, – я мечтал о девушке, которая будет достойна его элегантности, его красоты, его... его индивидуальности.

Он почтительно закатил глаза.

– Благодарю тебя, Большой Джим, – сказал он, – за то, что ты послал эту девушку к нашим дверям.

Он опустил глаза и посмотрел на оробевшую Арабеллу.

– Хотите проехаться?

– О да!

– Хорошо. Но только вокруг нашего квартала. Тем временем я подготовлю бумаги.

– А... а сколько вы дадите за мое старое платье?

– Сейчас посмотрим. Вы его носили года два, не так ли? Гм... – Продавец на мгновение задумался. – Вот что. Вы не из тех, кто носит одежду неаккуратно, поэтому я сделаю вам довольно большую скидку – тысячу долларов. Хорошо?

– Нет, не очень. (Наверное, целый год придется обходиться без ленча...)

– Не забудьте, шляпку-шлем мы даем бесплатно.

– Я знаю, но...

– Попробуйте сначала прокатиться, а потом мы поговорим, – сказал продавец.

Арабелла была так возбуждена, что, выехав на улицу, чуть не врезалась в молодого человека, одетого в белый спортивный автомобиль с откидным верхом.

– Привет, – сказал он. – Какое на тебе шикарное платье!

– Спасибо.

– Я знаю отличный кинотеатр. Поехали сегодня?
– Но мы даже не знакомы! – сказала Арабелла.
– Меня зовут Гарри Четырехколенный. Теперь ты меня знаешь. А я тебя нет.

– Арабелла. Арабелла Радиатор... Но я вас совсем не знаю.

– Это поправимо. Ну, так как, идем?

– Я...

– Где ты живешь?

– Макадам Плейс, шестьсот одиннадцать, – ответила она.

– Я буду в восемь.

В этот момент зажегся зеленый свет, и не успела Арабелла возразить, как молодой человек исчез. «В восемь, – думала она с замиранием сердца, – в восемь часов...»

Она вернулась в салон, подписала бумаги и поехала домой.

Отец вытаращил на нее глаза из-за ветрового стекла своего трехцветного «кортеза».

– Наконец-то ты купила себе новое платье! – сказал он.

– Прекрасно! – сказала мама. – А я уж думала, ты никогда не поймешь, что живешь в двадцать первом веке, а в двадцать первом веке надо уметь одеваться так, чтоб тебя заметили и захотели взять замуж.

– Мне только двадцать семь, – сказала Арабелла. – В моем возрасте многие девушки еще не замужем.

– Если они одеты как попало, – сказала мама.

– Никто из вас так и не сказал, нравится вам платье или нет, – заметила Арабелла.

– Мне очень нравится, – сказал папа.

– Кто-нибудь непременно тебя заметит, – сказала мама.

– Уже заметили.

– Ну! – обрадовалась мама.

– Наконец-то! – сказал папа.

– В восемь заедет за мной.

– Ради бога, не говори ему, что читаешь книжки, – сказала мама.

– Хорошо. Я... больше не читаю.

– И своих радикальных идей тоже не высказывай, – сказал папа. – Насчет людей, которые одеваются в платья-автомобили, потому что стыдятся ходить в одежде из ткани.

– Но, папа, ты же знаешь, что я так давно не говорю...

Гарри Четырехколесный появился ровно в восемь, и она поспешила ему навстречу. Они катили бок о бок, свернули на Асфальтовый бульвар и выехали из города. Ночь была чудесная, весна еще не совсем прогнала зиму, и поэтому горбатый месяц был свежевыкрашен переливающейся серебристой краской, а мерцающие звезды начищены до блеска.

Площадка перед экраном была полна, но они нашли два места позади, неподалеку от кустарника. Они стояли так близко, что их крылья почти соприкасались, и скоро она почувствовала, как рука Гарри легла ей на талию.

В фильме рассказывалось о бывшем фабриканте вермишели, который жил в гараже-пансионате. У него были две неблагодарные дочери. Отказывая себе в самом необходимом, он делал все, чтобы они купались в роскоши. Он

жил в бедном, полуразвалившемся гараже и одевался в подержанные автомобили, настолько дряхлые, что место им было лишь на складе металлолома. Дочери его, напротив, жили в самых комфортабельных гаражах и одевались в самые дорогие платья-автомобили. В том же пансионате жил студент, будущий инженер, по фамилии Растиньяк, и весь сюжет основывался на его попытках с помощью сестер проникнуть в высшее общество и по ходу дела приобрести состояние.

Несмотря на все свои старания, Арабелла никак не могла сосредоточиться. Рука Гарри Четырехколесного мешала ей.

– Не надо, ну пожалуйста!

Рука Гарри опустилась.

– В таком случае после кино?

Это была лазейка, и она тотчас устремилась в нее.

– После кино, – сказала она.

– Я знаю местечко на холмах. О'кей?

– О'кей, – услышала она свой испуганный голос.

Когда фильм кончился, она вслед за Гарри направилась к выходу и поехала рядом с ним по Асфальтовому бульвару. Когда он свернул на проселочную дорогу, Арабелла покорно последовала за ним.

На холмах, милях в семи от шоссе, была расположена местная резервация тех, кто не соглашался носить платья-автомобили и ходил в обычной одежде. Сквозь изгородь, находившуюся под током высокого напряжения, между деревьями мелькали огни редких коттеджей. На дороге жители резервации не встречались, но Арабеллу все равно передернуло.

Гарри Четырехколесный молчал. Арабелла чувствова-

ла, что он тоже испытывает отвращение, и она вдруг подумала о нем с теплотой. Может быть, он совсем не такой наглый, каким показался вначале.

Миновав резервацию и проехав еще около мили, Гарри свернул на узкую дорогу, что вилась среди дубов и кленов, и выехал на лужайку. Она робко ехала следом и, когда он затормозил у большого дуба, остановилась рядом. И тут же пожалела об этом, почувствовав, как его рука дотронулась до ее колеса.

– Не надо!

– Что значит не надо! – сказал Гарри, и она почувствовала, как сильно он прижался к ней своим крылом. Каким-то образом ей удалось выехать из его объятий и отыскать дорогу, которая привела их на поляну, но в следующее мгновение он был уже рядом и прижал ее к канаве.

– Ну, пожалуйста! – закричала она, но он, не обращая внимания на это, придвигался все ближе. Она инстинктивно рванулась в сторону. Переднее правое колесо ее потеряло точку опоры, и она почувствовала, что опрокидывается. Шляпка-шлем слетела с головы, ударилась о камень и отскочила в кусты. Правое переднее колесо смялось от удара о дерево. Колеса Гарри бешено закрутились, и через минуту темнота поглотила красные точки ее стоп-сигналов.

Древесные лягушки, кузнечики и сверчки выводили свою песню, а издалека, с Асфальтового бульвара, доносился шум оживленного движения. Девушка отыскала шляпку-шлем и выбралась на дорогу.

Что же делать? Она не может появиться утром на

службе в таком растерзанном виде. Кто-нибудь обязательно донесет на нее Большому Джиму, тот узнает, что все эти годы у нее было лишь одно платье-автомобиль и что она втайне пренебрегала его указанием иметь их по крайней мере два. А вдруг он отберет у нее права и сошлет в резервацию?

Надо починить платье этой же ночью. Но где? Вдруг она вспомнила табличку, которую заметила в витрине магазина, где покупала платье. На ней было написано: «Круглосуточное обслуживание».

Она поехала обратно в город, к салону «Большой Джим». Арабеллу встретил тот же молодой человек, который доставал платье с витрины. Она вспомнила, что его зовут Говард.

– Мое платье пропало, – выпалила она, когда он затормозил рядом. – Вы можете его починить?

– Конечно, могу.

Он показал на маленький гаражик в задней части магазина.

– Раздеться можете там, – сказал он.

Она торопливо пересекла магазин. В темноте можно было разглядеть лежащие повсюду платья и костюмы-автомобили. В гаражике было холодно и сыро. Арабелла выскользнула из платья, сняла шляпку и через приоткрытую дверь просунула их Говарду. Теперь, без платья, стало еще холоднее, и она забилась в угол, стараясь согреться. Вскоре Арабелла услышала стук и выглянула в окошко.

Говард кончил выпрямлять крыло и занялся теперь шляпкой-шлемом. Закрасив царапины на крыле, он притащил шлем и платье и просунул их в дверь. Она быстро

оделась и выехала из гаража.

Из-за ветрового стекла Говард разглядывал Арабеллу. Голубые глаза его излучали свет.

– Сколько я вам должна? – спросила она.

– Хозяин пришлет вам счет. Я тут всего лишь рабочий.

– Вы... вы очень хорошо починили мое платье. Я... Я не знаю, что бы я делала...

Она оборвала фразу.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Арабелла. Арабелла Радиатор.

– А меня Говард Автострада.

Арабелла взглянула на часы.

– Мне пора, – сказала она. – Большое вам спасибо, Говард.

– Не за что, – сказал он. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

– Ну, – сказал на следующее утро отец, принимаясь за яичницу, – как этот двухсерийный фильм?

– Какой двухсерийный? – спросила Арабелла, намазывая маслом ломтик тоста.

– Ага! – сказал отец. – Значит, фильм был не двухсерийный!

– В некотором смысле, наверно, и в самом деле было две серии, – сказала мать. – Одна в кино, а другая где-нибудь в другом месте.

Арабеллу стала бить дрожь, но она справилась с собой.

– Я... хорошо провела время, – сказала она. – И не сделала ничего плохого.

– Наверно, теперь ты наложишь на себя епитимью –

будешь сидеть вечерами дома и читать книжки, – сказала мать.

– Я тебе говорила, что больше не читаю.

– Бьюсь об заклад, ты заявила, что не хочешь его больше видеть, потому что он хотел тебя поцеловать, – сказала мать. – Ты всем так говоришь.

– Неправда! – Теперь уж Арабелла не дрожала. – Как раз сегодня вечером мы с ним встречаемся снова⁴!..

– Вот это да! – сказал отец.

– Ура! – сказала мать. – Может быть, теперь ты станешь вести себя, как велит Большой Джим, – выйдешь замуж, будешь больше потреблять и поможешь своим сверстникам нести бремя поддержки нашей экономики.

– Может быть!

Арабелла отъехала от стола. Прежде она никогда не лгала и теперь была на себя сердита. Но только по дороге на службу она вспомнила, что, солгав однажды, нужно либо продолжать лгать, либо признаться во лжи. А поскольку о признании не могло быть и речи, ей оставалось либо поступить так, как сказала, либо по крайней мере делать вид, что так поступает. Сегодня вечером ей придется куда-нибудь пойти и пробыть там хотя бы до двенадцати, иначе родители станут подозревать ее во лжи. Кроме кинотеатра, ей ничего не пришло на ум.

Она выбрала другой кинотеатр, не тот, где они были с Гарри Четырехколесным. Когда она туда добралась, солнце уже село и фильм только начался. Она тут же пожалела, что не удосужилась взглянуть на название картины перед

⁴ На этом месте текст рассказа в журнале заканчивается. Продолжение печатается чтобы не разочаровывать читателей.

въездом в кинотеатр. «Золушка» считалась фильмом для взрослых, но зал наполняли в основном дети, и в своем большом автоплатье среди множества крошечных автоштанишек и автоплатьиц она чувствовала себя неловко.

Это был полнометражный мультипликационный фильм – сказка о приключениях хорошенькой маленькой Золушки, которая жила с мачехой и двумя ее некрасивыми дочерьми. Большую часть дня она проводила в углу гаража, моя и полируя платье-автомобили своей мачехи и ее дочерей. У них было полно всяких красивых платьев – «вашигтонов», «лансингов», «флинтон», тогда как маленькой Золушке доставались лишь отрепья.

И вот в один прекрасный день сын управляющего магазином Большого Джима объявил, что собирается дать бал в гараже-дворце своего отца. Тотчас же сестры и мачеха заставили Золушку мыть и полировать свои лучшие платья. И вот она их моет и полирует, а слезы у нее все текут и текут, потому что нет у нее красивого платья, в котором она могла бы поехать на бал. Наконец настал долгожданный вечер: сестры и мачеха, сверкая хромированными деталями своих вечерних туалетов, весело направляются в гараж управляющего.

Оставшись одна, Золушка падает на колени в моечной и горько плачет. Уже казалось, сам Большой Джим оставил ее, как вдруг появляется Добрая фея автомобилей в роскошном сияющем белом «лансинг де миле». Она стремительно взмахивает волшебной палочкой, и вдруг на Золушке, прекрасной как утро, оказывается платье «гранд-репидс» цвета гвоздики, с такими блестящими колпаками, что глазам смотреть больно.

Итак, Золушка попадает на бал, и все танцы катается с

сыном управляющего, а ее некрасивые сестры и мачеха сгорают от зависти у стены. Золушка так счастлива, что забывает о том, что волшебство Доброй автофеи кончается в полночь и, если часы на рекламе Большого Джима начнут бить двенадцать, она превратится в девочку-мойщицу автомобилей прямо посреди демонстрационного зала.

Вспомнив об этом слишком поздно, она на большой скорости мчится вниз по аппарели, но впопыхах теряет одно колесо. Сын управляющего находит его, а на следующий день объезжает все окрестные гаражи и просит всех женщин, присутствовавших на балу, примерить его. Но оно такое маленькое и изящное, что не налезает ни на одну ось, как бы обильно ее ни смазывали.

Примерив колесо на оси двух некрасивых сестер, сын управляющего хочет уйти, как вдруг замечает в углу мочной Золушку, полирующую платье-автомобиль. Золушке ничего другого не остается, как выйти из угла и примерить колесо. И что бы вы думали? На глазах у изумленных сестер и мачехи колесо легко садится на место, даже без единой капли смазки. Золушка отправляется с сыном управляющего, и с тех пор они счастливо катаются вместе.

Арабелла взглянула на часы. Половина одиннадцатого. Домой ехать слишком рано, если она не хочет снова подвергнуться циничному перекрестному допросу.

Арабелла промучилась до одиннадцати, а потом уехала. Она хотела покататься до полуночи, и так бы оно и было, не надумай она поехать через город. И конечно же, она очутилась на улице, где находился магазин подержанных

автоплатьев. Вид стилизованного забора вызвал приятные воспоминания, и, проезжая мимо, она бессознательно снизила скорость. Когда Арабелла поравнялась с въездом, колеса у нее уже еле-еле вертелись, а заметив облаченного в «пикап» человека, она и совсем остановилась, что случилось у нее вполне естественно.

– Привет, – сказала она. – Что вы делаете?

Он подъехал к обочине, и, увидев его улыбку, она обрадовалась, что остановилась.

– Пью стакан апреля, – ответил он.

– Вкусно?

– Очень. Я всегда был равнодушен к апрелю. Май на него похож, но немного тепловат. Ну а июнь, июль и август вызывают у меня только жажду золотого вина осени.

– Вы всегда говорите метафорами?

– Только с избранными, – ответил он.

И, помолчав, добавил:

– Почему бы вам не въехать и не постоять тут до двенадцати? Потом мы отправимся куда-нибудь есть сосиски и пить пиво.

– Хорошо.

Площадка была забита поношенными платьями и костюмами, но ее старого платья не было. Она была рада этому, потому что при виде его только расстроилась бы, а ей хотелось сохранить приятное волнение, начавшее теснить грудь. И ей это удалось. Ночь была не по-апрельски тепла. Изредка, в перерывах между яркими вспышками рекламы Большого Джима, можно было даже увидеть несколько звездочек.

Говард рассказал немного о себе – как он днем учится,

а вечерами работает, но когда она спросила, где он учится, он сказал, что и так слишком много говорил о себе и теперь ее очередь. Она тоже рассказала ему о своей работе, о фильмах и телепередачах, которые смотрела, и наконец о книгах, которые когда-то читала.

Потом они оба стали говорить, перебивая друг друга, время летело, как птица, торопящаяся в южные края, и не успела Арабелла опомниться, как приехал человек, работавший с двенадцати до восьми, а они с Говардом уже ехали по направлению к кабачку «Золотой скат».

– Может быть, – сказал он, когда они уже подкатили к ее гаражу, – вы заедете за мной завтра вечером, и мы выпьем вместе еще один стакан апреля? Если вы не заняты, – добавил он.

– Нет, – сказала она, – я не занята.

– Тогда я вас буду ждать, – сказал он и поехал.

Она смотрела, как гаснут, исчезают во тьме задние огни его «пикапа». Откуда-то донеслась песня. Арабелла всматривалась в темные тени, стараясь разглядеть, кто поет. Но на улице, кроме нее, никого не было, и тогда она поняла, что поет ее сердце.

Арабелле казалось, что следующий день никогда не кончится, а когда он наконец кончился, с тусклого неба полил дождь. Ей хотелось узнать, вкусен ли апрель во время дождя, и скоро (после еще одного сеанса в открытом кинотеатре) она узнала, что дождь никак не портит вкуса, если были все другие составные части напитка. А они были, и она провела еще один быстролетный вечер с Говардом, сначала на площадке, рассматривая звезды между вспышками рекламы Большого Джима, потом в

«Золотом скате» за сосисками и пивом и наконец прощаясь с Говардом у своего гаража.

На следующий вечер все составные части опять были налицо, и на следующий, и на следующий... В воскресенье они отправились на пикник в горы. Говард выбрал самый высокий холм. Взобравшись по извилистой дороге на вершину, они остановились там, нашли стоянку под старым вязом и ели приготовленные ею картофельный салат и сэндвичи, передавая друг другу термос с кофе. Потом они закурили и, овеваемые полуденным ветерком, лениво разговаривали.

С вершины холма открывался великолепный вид на лесное озеро, которое питала небольшая речка. На другой стороне озера виднелся забор резервации нудистов, а за ним на улицах одной из деревень резервации можно было разглядеть людей. На таком расстоянии они казались почти неразличимыми точками, и сначала у Арабеллы мелькнула только смутная догадка насчет того, что же это такое. Однако постепенно они полностью овладели ее вниманием, и она уже ни о чем другом и думать не могла.

– Должно быть, это ужасно! – сказала она вдруг.

– Что ужасно? – поинтересовался Говард.

– Жить вот так, в лесах, голыми. Как... как дикари.

Говард посмотрел на нее своими голубыми и глубокими, как лесное озеро, глазами.

– Вряд ли можно назвать их дикарями, – сказал он, помолчав. – У них такие же машины, как у нас. Школы, библиотеки. У них есть торговля и ремесла. Правда, заниматься всем этим они могут только в пределах резервации, но чем это отличается от жизни, скажем, в деревне или

даже городе? В общем я бы сказал, что они цивилизованные.

– Но они раздетые!

– Разве так ужасно ходить раздетым?

Он опустил свое ветровое стекло и наклонился к ней совсем близко. Потом он опустил ее ветровое стекло, и в лицо ей повеяло свежим ветром. По глазам его она увидела, что он хочет ее поцеловать, и не отстранилась. Она была рада, что не отстранилась, потому что поцелуй этот ничем не напоминал ни поползновений мистера Карбюратора и Гарри Четырехколесного, ни замечаний отца и намеков матери. Потом она услышала, как открылась дверца машины, потом другая, и почувствовала, что ее вытаскивают на солнце и апрельский ветер. Ветер и солнце были свежие и теплые, свежие, теплые и чистые, и ей вовсе не было стыдно, даже когда Говард прижал ее к груди, не закрытой костюмом-автомобилем.

Это был долгий сладостный миг, и никогда бы ему не кончаться. Но он кончился, как кончается все.

– Что это? – спросил Говард, поднимая голову.

Она тоже услышала шорох колес, посмотрела вниз и увидела, как промелькнул и исчез за поворотом блестящий белый кабриолет.

– Ты... ты думаешь, они нас видели? – спросила она.

Говард помедлил, обдумывая ответ.

– Нет, не думаю. Наверное, кто-нибудь был тут тоже на пикнике. Если бы они поднимались на холм, мы бы услышали шум мотора.

– Не слышали бы... если на нем глушитель, – сказала Арабелла. Она скользнула в свое автоплатье. – Я думаю,

нам лучше уехать.

– Хорошо.

Он полез в свой «пикап».

– В следующее воскресенье... ты поедешь со мной? – спросил он.

Глаза его были серьезными, они умоляли.

– Да, – услышала она свой голос, – я поеду с тобой.

В следующее воскресенье было даже лучше, чем в первое, день теплее, солнце ярче, а небо голубее. Снова Говард вынул ее из платья, прижал к себе, целовал, и снова ей не было стыдно.

– Пойдем, – сказал он, – я хочу тебе что-то показать.

Они стали спускаться вниз к лесному озеру.

– Но ты идешь ногами, – запротестовала она.

– Нас никто не видит, так не все ли равно? Пойдем!

Она стояла в нерешительности. Сверкавший внизу ручеек придал ей решимости.

– Пойдем, – сказала она.

Сначала ей было тяжело идти по неровной земле, но потом она привыкла и вприпрыжку бежала рядом с Говардом. У подножия холма они вошли в рощу, где росли дикие яблони. Через рощу пробегал ручеек, с журчанием обтекая поросшие мхом камни. Говард лег на землю и припал губами к воде. Она сделала то же самое. Вода была ледяная, Арабелле стало холодно, и кожа у нее покрылась пупырышками.

Они лежали бок о бок. Листья и ветви причудливо разузорили над ними небо. Их третий поцелуй оказался еще слаще прежних.

– Ты бывал здесь раньше? – спросила она, когда они,

наконец, выпустили друг друга из объятий.

– Много раз, – сказал он.

– Один?

– Всегда один.

– А ты не боишься, что Большой Джим узнает?

Он рассмеялся.

– Большой Джим? Большого Джима не существует. Автопромышленники придумали его, чтобы запугать людей и заставить их носить автомобили, чтобы люди больше покупали их и почаще меняли, а правительство содействует этому, так как без увеличения оборота автомобилей экономика потерпела бы крах. Сделать это нетрудно, потому что бессознательно люди давно одевались в автомобили. Весь фокус состоял в том, чтобы заставить людей носить автомобили сознательно, заставить их чувствовать себя неловко без автомобилей в общественных местах и, если возможно, даже испытывать стыд. Особого труда это тоже не составило, хотя, конечно, автомобили пришлось сделать маленькими и приладить к человеческой фигуре.

– Не смей так говорить. Это... это богохульство! Еще подумают, что ты нудист.

Он пристально посмотрел на нее.

– Так ли уж позорно быть нудистом? – спросил он. – А разве не позорно, например, быть хозяином магазина и нанимать мерзавцев вроде Гарри Четырехколесного, которые влияют на нерешительных покупательниц, а потом ломают их покупки, чтобы они не воспользовались пунктом договора, гласящим, что непонравившееся платье можно вернуть в течение суток? Прости, Арабелла, но

лучше, чтобы ты это знала.

Она отвернулась, чтобы он не увидел ее слез. Он взял ее руку, нежно обхватил за талию. Она не сопротивлялась, когда он поцеловал ее в мокрые щеки. Приоткрывшаяся было рана затянулась, и на этот раз навсегда.

Он крепко обнял ее.

– Придешь со мной сюда еще раз?

– Да, – ответила она, – если ты хочешь.

– Очень хочу. Мы снимем наши автомобили и убежим в лес. Мы натянем нос Большому Джиму. Мы...

На другом берегу в кустах что-то щелкнуло. Она застыла в объятиях Говарда. Кусты зашевелились, и показался полицейский в автомундире. Поднялась большая квадратная рука с портативным звуковидеомагнитофоном.

– Ну-ка, подойдите, – произнес громкий голос. – Большой Джим хочет вас видеть!

Судья Большого Джима неодобрительно посмотрел на Арабеллу из-за ветрового стекла своего черного «кортежа», когда ее привели к нему.

– Как вы думаете, хорошо это, – сказал он, – снять платье и бегать вприпрыжку с нудистом?

Арабелла побледнела.

– С нудистом? – воскликнула она недоверчиво. – Но Говард не нудист. Этого не может быть!

– Может. Собственно говоря, он хуже, чем нудист. Он добровольный нудист. Однако мы понимаем, – продолжал судья, что вы этого не знали и в какой-то мере мы сами виноваты в том, что он вас опутал. Если бы не наша непростительная потеря бдительности, он не мог бы вести двойную жизнь – днем учиться в нудистском педагогиче-

ском институте, а по вечерам убегать из резервации и работать в магазине подержанного платья и пытаться обратиться в свою веру хороших людей вроде вас. Поэтому мы будем к вам снисходительны. Вместо того чтобы отобрать права, мы дадим вам возможность исправиться отпустим вас домой, чтобы вы загладили свое предосудительное поведение: просите прощения у родителей и впредь ведите себя хорошо. Между прочим, вы многим обязаны молодому человеку по имени Гарри Четырехколесный.

– Я... я обязана?

– Да, вы. Если бы не его бдительность и преданность Большому Джиму, может статься, мы бы узнали о вашем поступке слишком поздно.

– Гарри Четырехколесный? – удивленно сказала Арабелла. – Он, должно быть, ненавидит меня.

– Ненавидит вас? Милая девочка, он...

– И я знаю почему, – продолжала Арабелла, не замечая, что перебила судью. – Он ненавидит меня, потому что показал мне себя в истинном свете, а себя настоящего он в глубине души презирает. Вот... вот почему и мистер Карбюратор тоже ненавидит меня!

– Послушайте, мисс Радиатор, если вы будете продолжать в том же духе, я могу пересмотреть свое решение. В конце концов...

– А мои мама и папа! – продолжала Арабелла. – Они ненавидят меня, потому что тоже показали себя в истинном свете, и в глубине души они себя тоже презирают. Такую наготу не могут скрыть даже автомобили. А Говард? Ему не за что ненавидеть себя... как и мне. Что... что вы с ним сделали?

– Разумеется, выпроводили обратно в резервацию. Что

еще мы могли с ним сделать? Уверяю вас, больше он не будет вести двойной жизни. А теперь, мисс Радиатор, поскольку я уже покончил с вашим делом, не вижу причины для вашего дальнейшего пребывания в суде. Я человек занятой и...

– Судья, а как становятся добровольными нудистами?

– Демонстративно появляются на людях без одежды.
До свиданья, мисс Радиатор!

– До свиданья... и спасибо.

Сначала она поехала домой, чтобы собрать свои вещи. Мать и отец ждали ее в кухне.

– Грязная шлюха! – сказала мать.

– Подумать только, и это моя дочь, – добавил отец.

Не говоря ни слова, она проехала через комнату и поднялась вверх по аппарели к себе в спальню. Собралась она быстро: кроме книг, у нее почти ничего не было. На обратном пути через кухню она задержалась ровно настолько, чтобы сказать «до свиданья». Лица родителей вытянулись.

– погоди, – сказал отец.

– погоди! – закричала мать.

Арабелла выехала на улицу, даже не взглянув в смотровое зеркало.

Оставив позади Макадам-плейс, она направилась в городской сад. Несмотря на поздний час, там еще были люди. Сначала она сняла шляпку-шлем. Потом – автоплатье. Арабелла, освещенная мигающим светом рекламы Большого Джима, стояла в центре собравшейся толпы и ждала, когда приедет кто-нибудь из полиции нравов и арестует ее.

Утром ее препроводили в резервацию. Над входом ви-

села надпись:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Надпись была перечеркнута свежей черной краской, и над ней наскоро выведена другая:

НОШЕНИЕ МЕХАНИЧЕСКИХ ФИГОВЫХ ЛИСТКОВ ЗАПРЕЩАЕТСЯ

Страж, который ехал слева от Арабеллы, свирепо выглядывал из-за своего ветрового стекла.

– Опять забавляются, нахалы, – пробурчал он.

Говард встретил Арабеллу у ворот. По его глазам она поняла, что все в порядке, и тотчас оказалась в его объятиях. Забыв о наготы, она плакала, уткнувшись лицом в лацкан его пиджака. Он крепко прижимал ее к себе, она ощущала его руки сквозь ткань пальто. Глухо доносился его голос:

– Я знал, что они следят за нами, и дал им возможность поймать нас в надежде, что они сошлют тебя сюда. Поскольку они не сделали этого, я надеялся... я молил бога, чтобы ты пришла сама. Дорогая, я так рад, что ты здесь. Тебе здесь понравится. У меня коттедж с большим садом. В общине есть плавательный бассейн, женский клуб, любительская труппа...

– А священник? – спросила она сквозь слезы.

Он поцеловал ее.

– Священник тоже есть. Если поторопимся, то застанем его, пока он не ушел на утреннюю прогулку.

Они вместе пошли по тропинке.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА

Адвокат Эллис внимательно посмотрел на заключенного:

– Давайте условимся сразу: вы расскажете мне все. Нет смысла лгать. Только круглый дурак может говорить неправду своему защитнику. Надеюсь, ясно?

– Конечно, не вчера родился, – ответил Мэджи и облил сухие губы. Надзиратель стоял за дверью, слышать их разговор он не мог. Арестант поскреб щетину на подбородке. – Все началось с того, что Пауль Фэн и я ограбили Национальный банк...

Мэджи мчался в черном автомобиле, посматривая по временам в заднее окно. По его лицу стекал пот. Погони не было, но откуда-то издалека уже доносился вой полицейской сирены.

– Слушай-ка, Пауль, – сказал Мэджи, – нам придется изменить план. Ты на этой телеге поедешь дальше, а я сяду в мою. Полиция ищет двоих в машине...

Мэджи притормозил около стоявшего у обочины красного автомобиля и пересел в него. Пауль поехал дальше. Мэджи нагнал его на мексиканской границе. Работники

⁵ Нуссбаум А. Предусмотрительность адвоката. Пер. с нем. яз. В. Назарова. Лит. Россия. 1973. 15 июня

таможни пропустили машину Пауля, но задержали Мэджи. Он видел, как Пауль, проехав немного, затормозил, посмотрел назад, потом дал газу и скрылся из вида. После нескольких формальных вопросов таможенники разрешили Мэджи ехать дальше, но Пауля и след простыл. Расставание не было предусмотрено в их плане, и Мэджи надеялся, что Пауль вернется к границе. Он переехал назад на американскую сторону и поставил машину так, чтобы можно было хорошо видеть таможенный пост.

Мэджи включил радио. Передавалось сообщение об ограблении Национального банка. Было похищено 214000 долларов. Мэджи сжал кулаки. Это их первый большой улов! А Пауль куда-то исчез с деньгами.

С завистью смотрел Мэджи на длинную машину, которая пересекала границу. В ней сидели киноактеры, весело шутившие с двумя или тремя красотками. Мэджи выругался. Он с Паулем уже мог бы в безопасности сидеть в каком-нибудь отеле, держа на коленях черноглазых синьорит. А вместо этого он торчал здесь, глотал пыль и ждал проклятого идиота.

Мэджи сердито завел мотор и выехал на автостраду, идущую из Мексики. Вдруг он заметил машину Пауля. Он видел, как двое полицейских остановили ее, распахнули дверцы и вытащили Пауля. Мэджи помчался прочь. Не было смысла обоим попадать в их лапы.

В отдаленном маленьком отеле Мэджи провел беспокойную ночь. Рано утром купил газету. К его удивлению, полиция все еще искала неизвестных грабителей банка. В полицейском сообщении говорилось также, что на мексиканской границе задержан похититель автомобиля по

имени Пауль Фэн.

«Не удивительно, – подумал Мэджи. – Пауль слишком долго разъезжал на украденной машине. Почему он не оставил ее где-нибудь? Теперь он оказался в тюрьме. Но деньги... Что случилось с деньгами? В машине их не нашли, иначе бы об этом обязательно было сообщено в газете».

Пауль получил два года тюрьмы за кражу автомобиля. В течение этого времени Мэджи не делал ничего такого, что привело бы его к конфликту с законом. Он очень боялся, что Пауль без него выйдет на свободу. Когда кончились наличные деньги, Мэджи устроился поваром в ресторан.

Наконец Пауля освободили, и Мэджи встретил его в воротах тюрьмы. Во взятой напрокат машине они поехали в Мексику. По дороге Пауль рассказал, что тогда произошло.

– Когда я увидел, что тебя остановили на границе, я подумал, что ты влип. И решил поскорее спрятать деньги. Ехал в южном направлении, пока не стемнело, потом свернул на проселочную дорогу, которая привела к кладбищу. Там я вырыл яму и закопал в нее парусиновый мешок с деньгами.

– Ты сможешь найти это место? – спросил Мэджи.

– Конечно. Там стояли красивые кованые железные ворота, совсем новые. Кладбище ещё не целиком было обнесено оградой.

Когда пересекли границу, Пауль начал растерянно смотреть по сторонам

– Езжай медленнее. Что-то не узнаю.. Все дороги по-

хожи друг на друга. Но мы должны найти нужную.

В течение трех дней они объездили все кругом, но так и не нашли кладбища. Покрытые пылью, усталые и голодные вернулись в отель.

– Ну, дорогой мой, – сказал Мэджи. – я почти уверен, что ты водишь меня за нос. Если здесь есть кладбище, почему мы его не нашли?

– Не знаю, – недоуменно ответил Пауль. – Просто непостижимо. Оно было недалеко...

– Я больше не буду искать, – сказал Мэджи, – с меня хватит.

– Слушай, у меня есть идея, – предложил Пауль. – Давай осмотрим окрестности с воздуха. Здесь рядом есть маленький аэродром.

На последние деньги они наняли самолет, но всё было напрасно – кладбище не нашли.

– Ничего не могу понять, – бормотал Пауль. – Я помню совершенно ясно, будто только вчера закопал деньги. В двух шагах от этого места стоял белый мраморный памятник, на котором золотыми буквами было написано имя Пелон Эрнандес.

– Хорошо, малыш, – сказал Мэджи, – сейчас я точно узнаю, есть здесь кладбище или нет.

Он отправился к директору отеля.

– Не можете ли вы мне помочь? – обратился Мэджи к учтивому мексиканцу. – Мой друг, когда узнал, что я буду в этих краях, попросил посетить одну могилу. Я ищу кладбище с коваными воротами и белым мраморным памятником. Под ним лежит усопший, которому я должен положить букет цветов. Его звали Пелон Эрнандес.

Мексиканец расхохотался:

– Ну и пошутил над вами ваш друг! Здесь со всей округе нет ни одного кладбища. Наши люди слишком бедны, чтобы ставить на кладбище кованые ворота и памятники из мрамора. Бедному Пелону для такого памятника пришлось бы работать целый год. Кстати. Пелон – это не имя, это, как говорится, прозвище. Оно означает – Плешивый.

Адвокат Эллис наклонился к столу, который отделял его от Мэджи.

– Значит, поэтому вы убили Пауля Фэна?

– Да, – ответил Мэджи. – Мы вернулись назад в Штаты. Я был уверен, что он обманывает меня, не хочет делить деньги. И я пристрелил его, чтобы ему тоже ничего не досталось...

– Почему вы поверили хозяину отеля, а не вашему другу?

– У мексиканца не было оснований лгать мне. А у Пауля были...

– Вам никогда не приходила в голову мысль, что оба они говорили правду?

Мэджи недоуменно уставился на Эллиса.

– Это исключено...

Адвокат поднялся со стула.

– За ваше дело я не возьмусь. Успешного исхода ждать не приходится.

– Понимаю, – пробормотал Мэджи... Он тяжело поднялся и пошел к надзирателю.

Выйдя из тюрьмы, адвокат Эллис из ближайшей телефонной будки позвонил своей секретарше:

– Немедленно свяжитесь с Национальным банком. Узнайте, какую награду они назначили за поимку преступников, которые два года назад ограбили банк. Кроме того, обзвоните все кино- и телестудии, постарайтесь выяснить, кто из них два года назад снимал фильм возле мексиканской границы. Мне нужны точные сведения о месте, где стояли декорации кладбища...

Ю. НИКИТИН

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ микрорассказы⁶

Доисторический

Нао обратился к вождю:

- Вот моя последняя картина. Нравится?
- Нравится, – неуверенно ответил тот, глядя на наскальный рисунок. – Но где ты видел такое чудовище? Рога, крылья да еще лапы с когтями!
- Это не беда, зато потомкам есть над чем поломать голову. Пусть попытаются классифицировать!

Лингвистический

Робот – роботу:

- Ты кем работаешь?
- Лод-ырем. А ты?
- Граб-ителем.

Вот еже вторую неделю роботы-языковеды из НИИ работали в подшефном совхозе. Один чинил лодки, другой сгребал граблями сено.

⁶ «Наука и жизнь». № 9. 1966 г.

Р. ШЕКЛИ

ВАРИАНТЫ ВЫБОРА

[ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА]

ТОМ Мишкин стремительно пересекал Малое Магелланово Облако. Его корабль «Неустрашимый III», загруженный южноафриканскими омазами, кедами, кондиционерами и другими товарами первой необходимости, направлялся к колонии на Доре-5. Мишкин задремал в командирском кресле, убаюканный мигающими огоньками не пульте управления. Ему представилась новая квартира, которую он хотел купить в городе Перт-Амбой, в десяти милях восточнее Песчаной Косы. Там, конечно, тишина и покой, хотя сообщение подводной лодкой...

Мишкин внезапно насторожился. Что-то не в порядке!
Пробудился к жизни компьютер.

– Неисправность детали Л-122-3А. Наименование по каталогу: «Запорный механизм центрального клапана»,

– Прекрасно, – сказал Мишкин. – Что теперь?

– Я заблокировал узел и выключил двигатель.

– Без руля и ветрил, – прокомментировал Мишкин, –

⁷ Ш е к л и Р. Варианты выбора. Главы из романа. Пер. с англ. «Юность». 1982. № 11.

Могу ли я включить основной двигатель, хотя бы для того, чтобы добраться до ближайшей Станции технического обслуживания?

– Ответ отрицательный. Использование вышеупомянутой неисправной детали приведет к немедленному взрыву, гибели и Черной пометке в вашем личном деле.

– Вот уж совершенно ни к чему мне портить личное дело, – сказал Мишкин. – Что же остается?

– Единственный выполнимый вариант – удалить и заменить неисправную деталь. Склады запасных частей размещаются на множестве необитаемых планет, ближайшая к нам – Гармония, шестьдесят восемь часов полета на вспомогательном двигателе.

– Кажется, все весьма просто, – сказал Мишкин.

– Теоретически.

– А практически?

– Осложнения всегда могут возникнуть.

– Например?

– Если бы знать это, – заметил компьютер, – осложнения не были бы осложнениями, не правда ли?

– Пожалуй, – согласился Мишкин. – Будь по-твоему. Меняй курс и жми на всю железку.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил компьютер.

Склад на Гармонии оказался большим, ярко освещенным зданием из стекла и нержавеющей стали, как две капли воды похожим на супермаркет в Майами-Бич. Мишкин опустил туда корабль, выключил зажигание и положил ключ в карман. Длинные стеллажи были уставлены подносами с транзисторами, жаровнями, спектрометрами, витамином В-6 в ампулах и всем прочим, что может понадобиться утомленному путнику.

Мишкин подошел к центральной коммуникационной панели, запросил деталь Л-122-3А.

Шли минуты.

– Эй! – окликнул он. – В чем дело?

– Простите, – отозвалась панель. – Боюсь, что я витала в облаках. Трудности, немалые трудности... Вы не в состоянии себе представить... Голова кругом идет. Фигурально выражаясь.

– Так как же насчет моей детали? – напомнил Мишкин.

– Она снаружи.

– Где снаружи?

– Милях в пятнадцати, двадцати.

– Но почему она снаружи?

– Первоначально все запасные части складировались в здании. Логично и удобно, Но потом кого-то осенило: а что если корабль упадет *прямо на здание*? Вопрос поставили перед компьютером, и тот рекомендовал децентрализацию. Закипела работа, запасные части растащили по всей округе. С этого и начались настоящие неприятности.

– Какие неприятности? – спросил Мишкин.

– Люди должны были покинуть здание и выходить на поверхность Гармонии. А на незнакомых планетах случаются разные незнакомые штуки, и прежде чем сообразишь, что к чему, скорее всего уже отдашь концы.

– Какие такие «незнакомые штуки»? – спросил Мишкин.

– Мне запрещено говорить конкретно, – сказала панель. – Иначе все в тысячу раз усложнится.

– Почему?

– Успешная адаптация к окружающей среде предполагает широкую способность распознавать, что создает угрозу, а что – нет. Мое предупреждение будет ограничивать ваше восприятие неупомянутых опасностей. Кроме того, это вообще ни к чему.

– То есть?

– Вас будет сопровождать СЦИРС – Специальный Целевой Идеально реагирующей на Среду робот. Он обнаруживает малейшую опасность человеку, предупреждает его и защищает. СЦИРСы программируются конкретно для каждой планеты. В обществе СЦИРСа вы будете в такой же безопасности, как в центре Нью-Йорка.

– Спасибо, – сказал Мишкин.

АЛОЕ лакированное туловище СЦИРСа было кряжистым и прямоугольным. Он передвигался на четырех веретенообразных конечностях, и еще четыре находились в верхней части каркаса. Робот сильно смахивал на тарантула, загримированного под робота.

СЦИРС сказал Мишкину:

– Ну, сынок, пошли, что ли.

– Здесь очень опасно? – спросил Мишкин.

– Могу с завязанными глазами. Как два пальца.

– На что мне обращать внимание?

– Я тебе скажу.

Мишкин пожал плечами и вышел за роботом через вращающиеся двери на поверхность Гармонии. Он предполагал, что робот знает, что делает. Но он ошибался. Его заблуждение было чудовищным. Пожалуй, лишь дев-

ственница на единороге могла сравниться с Мишкиным. Джем, горячие булочки, женские губы – вот что занимало его ум, когда он ступил на подозрительную почву Гармонии.

– Слушай, – бросил робот. – Твое дело – выполнять то, что я говорю, точно и быстро, – иначе тебе, как. Осознал?

– Осознал, – ответил Мишкин.

Они шагали по багряной равнине. С востока со скоростью пять миль в час дул ветер, доносилось пение электронных птиц.

– Когда я тебе скажу «падай», ты просто падай и все тут. Не телись. Надеюсь, что у тебя хорошая реакция.

– Мне показалось, что ты уверял, будто здесь не опасно, – заметил Мишкин.

– Думаешь, поймал меня в противоречии, умник? – усмехнулся робот. – А может, у меня были причины со- врать тебе.

– Какие же?

– А может, у меня есть причины не говорить тебе... Падай! – Мишкин услышал тонкий свист и шлепнулся на траву, в своем рвении больно ударившись носом. Робот покачивался из стороны в сторону, сжимая в металлических руках два бластера.

– Что это? – спросил Мишкин.

– Призывный крик шестинного протобронестегозавра. Когда он распаляется, то стремится спариться с ком угодно.

– Неужели не видно, что я неподходящий объект для его привязанности?

– Пока до него это дойдет, эта двадцатитрехтонная тварь снесет тебе башку.

– Где же он? – поинтересовался Мишкин,

– Сейчас, – мрачно пообещал робот, вертя бластеры, за рукоятки. Свист приблизился, перешел в жужжание. Затем Мишкин увидел что-то очень похожее на бабочку с шестифутовыми крыльями, которая, не обращая на них внимания, полетела дальше, миролюбиво жужжа.

– Что это? – спросил Мишкин.

– Черт подери! Ясно: бабочка с шестифутовыми крыльями.

– Вот и я так подумал. Но ты говорил...

– Да, да, да! – раздраженно перебил робот. – Мне совершенно ясно, Эта бабочья тварь начала подражать призывному крику прото-Б. Мимикрия. Рядовое явление.

– Рядовое? Даже ты был введен в заблуждение.

– Ну и что тут особенного? Впервые вижу эту бабочью тварь.

– Тебе следовало знать о ней.

– Отнюдь. Я предназначен для распознавания и предотвращения опасности *человеку*. Эта летающая перечница ничем тебе не угрожала, естественно, я о ней ничего не знаю. Пора тебе понять, что я не ходячая энциклопедия. Мне ни к чему заниматься каждой проклятой шагающей, плавающей, ползающей или летающей тварью. Осознал, сынок?

– Осознал, – ответил Мишкин. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Уж для этого я построен! – надменно произнес робот. – Давай, надо идти. – Я много чего вижу впереди. Я

всегда много вижу чего впереди. Господи, все *всегда* много чего видят впереди.

Мишкин внезапно остановился.

– Что такое? – спросил робот.

– Я что-то вижу впереди.

– Большое дело, – усмехнулся робот.

– По-моему, это зверь.

– Ну и что?

Зверь, которого увидел Мишкин, в общих чертах походил на тигра, темно-шоколадный с яркими оранжевыми полосами.

– Вид у него угрожающий, – заметил Мишкин.

– Много ты понимаешь, – сказал робот. – Это травоядная тварь с нравом коровы, только более робкая.

– А клыки?

– Пусть это тебя не волнует.

– Мимикрия?

– Мимикрия. Идем.

Они продолжали шагать по багряной равнине. Робот насвистывал, даже не думая вытаскивать бластеры. Мишкин, идущий на два шага позади, напевал.

Робкое животное повернулось и уставилось на них глазами цвета свернувшейся крови яка. Оно зевнуло, показав большие острые зубы. Оно потянулось, перекачивая мускулы под атласной кожей.

– Ты уверен, что эта тварь – травоядное? – спросил Мишкин.

– Ничего, кроме травы и одуванчиков, – ответил робот. – Хотя изредка они питаются и репой.

– Выглядит весьма неприятно.

– Природа способна на тысячи уловок.

Человек и робот подошли ближе. Зверь прижал уши. Его хвост вытянулся и напрягся. Он блеснул влажными клыками и зарычал – звук, от которого странствующие деревья свернули ветки, втянули корни и предпочли удалиться в более спокойную местность.

– Природа перестаралась, – сказал Мишкин. – Могу поклясться, что эта тварь готовится напасть на нас.

– Природа преувеличивает, – отозвался робот. – Такова природа природы.

Зверь замер и являл собой идеальную имитацию смертельно опасного чудовища, собирающегося в свирепом порыве изувечить и убить все, что попадает на пути.

Мишкин остановился.

– Послушай, мне чудится что-то неладное. Я думаю...

– Ты слишком много думаешь, – сказал робот напряженным голосом. – Ради бога, держи себя в руках, старина. Я, специально подготовленный робот СЦИРС, даю тебе слово, что эта несчастная корова в тигровой шкуре...

И тут животное сорвалось с места. Только что оно стояло смирно, а в следующий миг взорвалось клубком зубов, клыков и ярости. Оно мчалось, искусно имитируя голодного, безжалостного хищника.

– Кш, тварь, кшш! – воззвал робот неуверенным голосом.

– Падай! – вскричал Мишкин.

– Аааргххх! – взревел клубок.

СТРЕЛЯЙ! – крикнул Мишкин, отскочив в сторону.

– Стрельба по травоядным не входит в мои обязанности, – сказал робот без особого убеждения.

Зверь развернулся и, испуская слюну, погнался за Мишкиным, повторяя его прыжки, как тень. Массивные челюсти открылись, Мишкин закрыл глаза.

В лицо полыхнуло теплом, раздался глухой удар.

Он открыл глаза. Робот все-таки решился выстрелить и уложил чудовище у самых ног Мишкина.

– Травоядное, – горько произнес Мишкин.

– Существует понятие мимикрии в поведении. Подражающее травоядное может дойти до того, что будет жить как образец-хищник, вплоть до поедания мяса, которое для него и отвратительно, и несваримо.

– Ты в это веришь?

– Нет, – огорченно признался робот. – Но я не понимаю, почему это создание не занесено в мою память. Планета находилась под постоянным наблюдением в течение десяти лет, и зверь такого размера не мог остаться незамеченным. Не будет преувеличением сказать, что Дэрбис-4 изучен не хуже самой Земли.

– Погоди, – сказал Мишкин. – Но это не Дэрбис-4. – Он почувствовал себя обессиленным, приговоренным. – Эта планета называется Гармония. Ты не туда попал.

МИШКИН и робот подошли к ущелью. Между его склонами был перекинут мостик. Внизу, на глубине тысячи футов, бежала паутиная нить воды. Ущелье отличалось естественным величием и

красотой. Но больше всего поражал мостик. На его середине стояли столик и четыре стула; четверо мужчин сидели на стульях. Они играли в карты. Мишкин приблизился и стал слушать...

– Доллар.

– Вдвое.

– Столько же.

– Добавляю.

– И еще доллар.

Они играли сосредоточенно, но устало. Их лица были бледными и худыми, засученные рукава грязными. Они пили пиво и ели толстые бутерброды.

Мишкин подошел и сказал:

– Простите...

Игроки подняли головы.

– Чего тебе, приятель?

– Я бы хотел пройти.

Они уставились на него как на сумасшедшего.

– Ну, так обойди.

– Не могу, – сказал Мишкин.

– Почему? Ты что – безногий?

– Вовсе нет. Но если я попробую обойти вас, то свалюсь в пропасть. Ваши стулья стоят на самом краю.

Игроки переглянулись.

– Фил, ты слышал что-нибудь подобное?

Фил покачал головой.

– Встречал я шизиков, Джек, но этот им сто очков вперед даст. Эдди, как ты полагаешь?

– Должно быть, пьян в стельку. Да, Джордж?

– Трудно сказать, ты что думаешь, Барт?

– Я только собирался спросить Джека. – Барт посмотрел на Мишкина и весьма доброжелательно сказал:

– Послушай, приятель. Мы с ребятами тихо и спокойно играем в покер в номере 2212 отеля «Шератон-Хилтон», и вдруг вваливаешься ты и заявляешь, что упадешь в пропасть, если нас обойдешь. Не говоря уже о том, что твоего духу в нашей комнате быть не должно, ты мог бы ходить здесь кругами целый день и, к сожалению, никуда бы не провалился, потому что это отель, а не пропасть.

– Боюсь, что вы ошибаетесь, – возразил Мишкин. – Вы именно не в «Шератон-Хилтоне».

– А где же? – спросил Джордж или, может быть, Фил.

– Вы сидите за столом, находящимся на мостике через ущелье на планете Гармония.

– Ты совершенно свихнулся, – сказал Фил или, может быть, Джордж. – Мы, конечно, выпили, но не настолько, чтобы перепутать название отеля.

– Значит, мы на мостике через ущелье? – спросил Джек.

– Точно,

– А почему нам кажется, что мы в номере 2212 «Шератон-Хитона»?

– Не знаю, – ответил Мишкин. – Случилось что-то странное,

– Разумеется, – вставил Барт. – С твоей головой. Ты спятил.

– Если здесь кто-нибудь и спятил, то это вы, – обиделся Мишкин.

Игроки рассмеялись.

– Этот проклятый город просто кишит психами, – подытожил Фил.

– Вы меня пропустите? – спросил Мишкин,

– Куда же ты пойдешь?

– На другую сторону ущелья.

– Увы, ты подойдешь всего лишь к другому концу комнаты.

– Я думаю иначе, – с достоинством возразил Мишкин.

Фил зевнул и встал.

– Я все равно собирался сходить отлить, так что можешь пройти. Но дай слово, что когда дойдешь до стены, повернешь, как пай-мальчик, и уберешься.

– Если это комната, я обещаю немедленно ее оставить.

Фил сделал шаг от стола и свалился в пропасть. Эхо его крика долго звучало из глубины.

– Эти паршивые полицейские сирены действуют мне на нервы, – сказал Джордж.

Мишкин и робот, прижавшись к столу, перешли на ту сторону ущелья.

– Эй, – удивился Барт, – куда делся этот псих.

Игроки огляделись.

– Ушел, – сказал Джордж. – Должно быть, в клозет.

– Нет, – возразил Барт. – Там Фил.

– Не выпрыгнул ли он в окно?

– Попробуй их открой.

– Это уж слишком... – вздохнул Джордж. – Эй, Фил, пошевеливайся!

– Как же, вытацишь его оттуда, – сказал Барт и начал тасовать карты...

ЛЕНИВО бродя, Мишкин созерцал окружающую природу, когда раздался голос:
– Привет.

Мишкин машинально огляделся и никого не увидел.

Он находился на гладкой равнине, и по крайней мере на пять миль в любом направлении не было ни одного высокого предмета, за которым кто-нибудь мог бы спрятаться.

Мишкин не потерял самообладания.

– Как поживаете?

– Прекрасно, благодарю, а вы? – отозвался голос.

– Неплохо, учитывая все обстоятельства. А что вы делаете в этих краях?

– Я живу в этих краях.

– Чудесное место.

– Безусловно, – подтвердил голос. – Но зимой у нас исключительно холодно и влажно.

– В самом деле?

– Вы, полагаю, турист?

– Более или менее, – ответил Мишкин. – Я здесь впервые.

– И как вам, нравится?

– Изумительно. Я видел немного, но то, что видел, кажется мне изумительным.

– Я привык, – сказал голос. – Вероятно, потому, что живу здесь.

– Вероятно, – согласился Мишкин. – Так я обычно чувствую себя дома.

– Между прочим, где ваш дом?

– На Земле.

– Кажется, я о ней слышал. Это очень, очень далеко.

– По всей видимости, – пожал плечами Мишкин. – Но я обожаю путешествовать.

– Вы прилетели на ракете?

– Да.

– Наверное, это очень интересно?

– Да.

Наступило молчание. Мишкина смутил факт, что он не видит собеседника. Он понял, что об этом надо было упомянуть раньше. Сейчас это прозвучит глупо.

– Любопытно, вы заметили, что я невидим? – спросил голос.

– Вообще-то, да. Полагаю, вы меня видите?

– Само собой. Мы, невидимки, отличаемся хорошим зрением. Разумеется, кроме тех несчастных, кто слеп.

– А друг друга вы видите?

– Конечно, нет. Иначе мы не были бы невидимками.

– Очевидно, невидимость дает вам огромное преимущество на охоте?

– Не скажу. Мы, невидимки, весьма неуклюжи и производим сильный шум при передвижении. Из-за этого мы охотимся исключительно на один вид животных. Они называются глухачи, так как абсолютно ничего не слышат. Против них невидимость дает огромное преимущество. Однако глухачи – крайне неудобоваримая пища, даже тушеные и поданные под соусом... Осторожно!

Мишкин наткнулся на невидимый объект и больно ударился лбом. Теперь он шел медленнее, вытянув перед собой руку.

– Как вы увидели невидимый предмет? – спросил он.

– Я его не увидел, старина, – ответил невидимка. – Вот знак.

Оглядевшись, Мишкин обратил внимание на многочисленные жестяные щитки с надписями: «Скала», «Ключий кактус», «Старый фольксваген», «Утерянная мина», «Засохшее фиговое дерево» и тому подобное.

– Весьма предусмотрительно, – одобрил Мишкин, прокладывая путь между «Свалкой» и «Туристским бюро».

– Чистой воды эгоизм, – признался невидимка. – Мы сами устали налетать на них.

ПУСТЫНЯ перешла в полупустыню. Мишкин и робот поднялись на небольшую возвышенность и увидели мужчину в смокинге и черном цилиндре, сидящего на черном металлическом чемодане. Перед ним футов на пятьдесят в обе стороны тянулись ржавые рельсы.

– Господи, – вздохнул робот. – Еще один чокнутый.

– Не груби, – укоризненно сказал Мишкин. Он подошел и приветствовал незнакомца.

– Давно пора, – молвил незнакомец. – Я тут два дня сижу в одиночестве, и надо признаться, мне это порядком надоело.

– Чего вы ждете? – спросил Мишкин,

– Двенадцатичасового из Йимы, – сказал незнакомец, поворачиваясь налево и всматриваясь в пятьдесят футов полотна. – Но теперь поезда по расписанию не ходят...

– Я не уверен, что этот поезд вообще здесь пойдет, – заметил Мишкин.

– Не буду удивлен. Сейчас нигде порядка нет. Но то-

пать пешком я больше не могу... А может быть, что-нибудь случится и поезд придет. Я не то еще видел. Вечно со мной что-нибудь приключается. Полагаю, вы меня узнали.

– Боюсь, что нет, – смущенно проговорил Мишкин.

– Вы, должно быть, просто невежда, ибо меня знают повсюду. В данном воплощении я Ронсард Великолепный, величайший маг во всей Вселенной.

– Мрак... – пробормотал робот.

– Не позволяйте внешности ввести вас в заблуждение, – продолжал Ронсард. – Есть причина тому, что я временно путешествую автостопом и поджидаю несуществующие поезда в странных местах... Не угодно ли лицезреть некоторые волшебства?

– С удовольствием, – сказал Мишкин.

– Дерьмо собачье, – пробормотал робот,

– Первым номером я продемонстрирую трюк с кроликом...

– Я видел его, – сказал робот.

– А я нет, – сказал Мишкин. – Заткнись, пожалуйста.

Робот надменно скрестил руки. Недобрая скептическая улыбка легла на его металлическое лицо, и каждый изгиб тела выражал явное недоверие. Мишкин жадно подался вперед, возбужденно сжав кулаки. Каждый изгиб его тела выражал готовность к чудесам.

Ронсард открыл чемодан и достал сложнейший пульт управления, две батарейки, моток провода, бутылку с молочной жидкостью и крошечный спидометр. Он соединил все эти предметы проводом и подвел его к своей шляпе. Затем достал тестер, что-то замерил и повернулся к Мишкину.

– Как видите, дорогой сэр, шляпа совершенно пуста. – Маг продемонстрировал цилиндр пораженному Мишкину. Робот зевнул. Ронсард выбрал из чемодана кусок белого сатина и накрыл им цилиндр. Делая правой рукой пассы, он заговорил:

– Рже-сгампо ринпоге-хи лам мхог ринкоче-хи хренцва жес бай-ва бжукс!

При последнем слове он пнул пяткой пульт управления. Раздался треск, посыпались искры. Стрелки дернулись и вернулись к нулю.

Волшебник широким жестом сдернул сатин, достал из цилиндра кролика и поклонился.

Мишкин восторженно зааплодировал.

– Все сделано при помощи зеркал, – прошипел робот.

– Теперь я покажу вам карточный фокус, – объявил маг. – Не стоните, сэр (к роботу). Порядок и характер моих фокусов тщательно продуман и распланирован для накопления и усиления эффекта. Карточные фокусы отвлекают, развлекают и повышают восприимчивость перед основными событиями вечера... точнее, дня. Итак... – Волшебник извлек из чемодана колоду карт. – Перед вами колода обыкновенных игральных карт. Вы можете убедиться, что карты в фабричной упаковке и никак не помечены.

Он передал колоду Мишкину, который вместе с Мишкиным роботом стал проверять их, а сам тем временем стал снова открывать чемодан и достал три параболических зеркала на треножниках, компьютер на батарейках и маленький радароскоп. Установив зеркала в различных направлениях, он подсоединил их к радароскопу и компь-

ютеру. Потом Ронсард забрал карты, взмахнул ими перед одним из зеркал и ввел данные в компьютер. Радар библикнул.

Волшебник достал из чемодана шаткий деревянный столик и положил на него карты рубашками вверх.

– Теперь попрошу вас тщательно перемешать колоду, выбрать одну карту и запомнить ее.

Мишкин и робот повиновались, причем робот тасовал значительно дольше.

– Посмотрите на нее внимательно и запечатлейте в своей памяти. Теперь положите карту в колоду и снова перемешайте.

Опять робот тасовал дольше. (Робот мог бы стать отличным банкометом; кстати, ему делали такое лестное предложение в Майами-Бич).

– Теперь, – продолжал маг, – умножьте номер вашей карты, считая по одиннадцати в масти, на семнадцать. Если получилось число четное, прибавьте семь; если нечетное, вычтите два. К последней цифре прибавьте девять; причем черные масти – мнимые числа, красные масти – действительные. Добавьте любое действительное число по вашему выбору – от одного до девяноста девяти. Сделали?

– В два счета, – сказал робот.

– Что получилось? Триста? Ваша – валет червей.

– Верно, – сказал робот; Мишкин торопливо кивнул.

– По-моему, – сказал робот, – сейчас он распилит женщину.

– В следующем номере, – объявил маг, – я распилю женщину.

– Интересно, – сказал Мишкин.

– Все делается при помощи зеркал, – прошептал робот. Волшебник полез в чемодан и выбрал темноволосую девушку с фиолетовыми глазами, портативную электропилу, четырех хирургов и анестезиолога (в масках и с инструментами) и операционный стол с освещением и оборудованием. Темноволосая девушка легла на операционный стол. Она была прекрасна и отважна.

Маг включил пилу.

Неожиданно из чемодана выскочил толстый, лысый человечек и дрожащим голосом выкрикнул;

– Я возражаю против этого брака.

– Еще рано! – зло прошипел волшебник.

Человечек извинился и залез в чемоданчик.

АНЕСТЕЗИОЛОГ сделал девушке укол. Ронсард медленно склонился над ее беззащитным обнаженным телом. Кровь брызнула как вода из вырвавшегося водопроводного шланга. Задвигались хирурги, тут же накладывая швы.

– Отличное зрелище! – восхитился робот.

– Мне не нравится, – покачал головой Мишкин.

Пила прошла через основные вены и артерии. Хирурги пританцовывали с изяществом балетной труппы.

– Ооох, – произнесла девушка, и анестезиолог сделал еще укол.

Маг уже распилил стол. Из чемодана выскочил плотник и немедленно починил его. Девушка отважно улыбалась. Волшебник выключил пилу и раскланялся.

– Теперь перед самыми вашими глазами я...

Он замолчал. Все услышали паровозный гудок. Вскоре

появился сам паровоз с тремя вагонами, прокладывающий перед собой рельсы по мере приближения.

– Увы, закончить не смогу, – извинился маг, поднимаясь на подножку первого вагона. – Так и живем.

– Билет, – потребовал кондуктор.

Ронсард извлек из цилиндра билет, и поезд медленно тронулся. Мишкин и робот проводили его взглядом.

– Как-то странно все это, – произнес Мишкин.

– Зеркала, – презрительно усмехнулся робот. – Пустая болтовня и дешевые эффекты.

Они стояли под небом, которое отражало землю, которая отражала небо, и обсуждали зеркала и эффекты.

Г. ГАРРИСОН

САМЫЙ ВЕЛИКИЙ ОХОТНИК

ВАМ, конечно, известно, мистер Лэмб, что до сих пор ни одному охотнику не удалось подстрелить Венерианского болотного зверя? –

⁸ Гаррисон Г. Самый великий охотник. Пер. с англ. А. Чапковского. Вокруг света. 1973. № 12.

Годфри Спингл произнес эти слова в микрофон и протянул его своему собеседнику.

– Еще бы! Я изучил этот вопрос досконально, прочитал все – от журнальных статей до научных докладов. Поэтому-то я и нахожусь здесь, на Венере. Меня считают лучшим охотником в мире, и, сказать правду, я не отказался бы от титула лучшего охотника двух миров.

– Прекрасно, мистер Лэмб, спасибо. Примите наилучшие пожелания от Интерпланетной Радиовещательной Компании, а вместе с ней и от миллионов радиослушателей, которые сидят сейчас возле своих радиоприемников. Говорит Годфри Спингл, Максити, Венера. Передача окончена. – Он щелкнул выключателем и убрал микрофон в сумку.

Позади них взревела, рейсовая ракета, стартовавшая в промозглом воздухе планеты, и, прежде чем заговорить, Лэмб переждал, пока грохот стихнет.

– Раз интервью закончено, подскажите мне, пожалуйста, в каком из этих... – он указал на обветшалые, покосившиеся хибары – находится гостиница?

– Гостиница затонула в болоте на прошлой неделе, но я устрою вас переночевать в одном из складов.

– Спасибо, – Лэмб поднял рюкзак и направился за своим длинноногим проводником. – Мне бы не хотелось беспокоить вас.

– Ерунда, – ответил Спингл, тщетно пытаясь скрыть раздражение. – Я держал здесь гостиницу, но она затонула. Кроме того, я здесь и таможенник, и почтальон. Народу в этой дыре не густо, да и какого черта здесь станет кто-нибудь селиться!

Спингл чувствовал себя обделённым и был зол на судьбу. Вот он, здоровенный парень, сильный и красивый, должен гнить заживо в этом вонючем болоте. А Лэмб, этот жирный боров в толстенных очках, – подумать только! – прославленный охотник. Ну есть в этом хоть капля справедливости?

Не успели они опустить рюкзаки на заплесневелый бетонный пол склада, как Лэмб принялся рыться в них.

– Я не хочу откладывать и пойду на болотного зверя сегодня же, засветло, чтобы успеть к утренней ракете. Вы не откажете в любезности проводить меня?

– Я всего лишь проводник, – Спингл с трудом подавил усмешку. – А может, стоит немного поубавить пыл, а? Венерианский болотный зверь может бегать, летать, плавать и скакать по веткам. Он осторожен, умен и беспощаден. Никто еще не смог убить его.

– Вот я и буду первым, – ответил Лэмб, доставая серый комбинезон и натягивая его на себя. – Охота – это наука, где по-настоящему преуспел только я. У меня нет срывов. Дайте-ка мне вон ту маску.

Спингл безмолвно протянул ему громадную маску из папье-маше с намалеванными на ней белыми зубами и багровыми глазами. Лэмб напялил ее на голову, потом натянул серые перчатки и такие же серые сапоги с белыми клешнями, которые свободно болтались по бокам.

– Ну, на кого я теперь похож? – спросил он.

– На жирную болотную крысу, – буркнул Спингл.

– Отлично. – Лэмб достал из рюкзака сучковатую дубинку и зажал, ее между челюстями маски. – Ведите меня, мистер Спингл, если не передумали.

Совершенно ошарашенный, Спингл надел ремень с пистолетом и повел охотника по дороге к болоту.

– Даю вам минуту, – сказал Лэмб, когда последняя хибара исчезла в тумане, – за это время вам надо успеть скрыться. Будьте осторожны, эти бестии смертельно опасны.

– Смертельно! Да они в тысячу раз страшнее, чем вы думаете. Послушайте меня, Лэмб, возвращайтесь.

– Благодарю вас, мистер Спингл, – раздался в ответ приглушенный маской голос. И Лэмб растворился в тумане.

Отчетливо прозвучал выстрел и эхом пронесся в промозгом воздухе. Спингл на секунду оцепенел, держа наготове пистолет...

«Пусть этот идиот отдает себя на съедение болотному зверю или любому другому местному хищнику, – подумал Спингл. – К тому же в рюкзаках у болвана может оказаться что-нибудь полезное...»

Лэмб сидел на гнилом стволе свалившегося дерева уже без маски и вытирал с лица пот громадным носовым платком. А позади него лежал омерзительный, клыкастый, когтеккрылый, ядовито-зеленый Венерианский болотный зверь – даже мертвый, он наводил ужас.

– Как это? Что... уже...? – охнул Спингл.

– Очень просто, – ответил Лэмб, доставая из кармана фотоаппарат. – Это открытие я сделал несколько лет назад. Ведь от природы я неуклюж и близорук – серый филер и, уж, конечно, не заправский охотник. А вот стрелял я чертовски здорово – это была моя гордость. И я всегда мечтал стать настоящим охотником, но вот прибли-

зиться к дичи на расстояние выстрела никогда не мог. И тогда пришла на помощь логика – я поменял роли. Ведь все хищники родились охотниками и убийцами, почему бы не сыграть на этом? И вот я стал добычей, дал хищникам выслеживать и бросаться на меня, чтобы самому, разумеется, убить их.

Однажды, замаскировавшись под антилопу, я стоял на коленях возле ручья и убил леопарда. А имитируя отбившуюся от стада зебру, я охотился на львов. То же самое и тут. Мои исследования показали, что болотный зверь питается исключительно гигантскими болотными крысами, *rattus venerius*. Я превратился в крысу, остальное вы видели сами, – он нацелил аппарат на труп зверя.

Лэмб кивнул в сторону сучковатой дубинки, лежавшей возле дерева, той самой, которую он нес в зубах.

– Это замаскированный бластер.

И тут Спингла осенило. Болотный зверь лежал мертвый, а у него в руках пистолет и... секрет. Лэмб исчезнет в болоте, а он станет величайшим охотником в мире. В двух мирах. Он навел пистолет на Лэмба.

– Прощай, болван, – сказал он. – Благодарю за науку.

Лэмб усмехнулся и нажал спуск камеры. Скрытый внутри бластер проделал в Спингле аккуратную дыру, прежде чем тот успел спустить курок.

Лэмб покачал головой.

– До чего же люди невнимательны! Ведь я объяснил, что становлюсь добычей для *всех* охотников. Ладно, теперь прикинем: на моем счету один болотный зверь и тринадцатый, нет, четырнадцатый несостоявшийся охотник.

Хитрость К Л Е Р К А

ТЕКСТ был отпечатан чистенько и аккуратно. К нему было приложено письмо с обычным заклинанием: «Предлагаю для опубликования по принятым у Вас расценкам» и необходимыми сведениями об авторе и его опусе. Мисс Эдвина Мартин, помощник главного редактора «Рассказов о преступниках и сыщиках», прочла письмо первой. Два обстоятельства привлекли ее внимание: название рассказа – «Три способа ограбить банк. Способ 1» и имя автора – Натан Уэйт. Мисс Мартин, которая знала почти каждого профессионального сочинителя детективов в США, это имя ничего не говорило.

Письмо не отличалось многословием, столь характерным для начинающих литераторов. Фраза примерно в середине его приковала взор помощника редактора: «Возможно, Вы захотите изменить название, поскольку то, что сделал Роулингс, по сути дела, не грабеж. С формальной точки зрения такая операция, вероятно, законна. Сейчас я работаю над рассказом, который намереваюсь озаглавить «Три способа ограбить банк. Способ 2.» Я отправлю его

Вам сразу после перепечатки. Способ 2 почти наверняка не имеет в себе ничего противозаконного. Что же касается способа 1, я предложил бы Вам ознакомиться с ним Вашего банкира».

Оказалось, что Роулингс – герой присланного рассказа. Сам рассказ был неуклюж, переполнен ужасающими длиннотами и почти целиком посвящен описанию способа 1, так что для «литературы» у автора уже не осталось места. Способ ограбления как таковой был построен на процедуре анонимного кредитования банками – естественно, не без выгоды для себя. Недоверие автора к подобной профанации дела сквозило буквально в каждой строке.

Первым побуждением мисс Мартин было отослать рассказ назад, сопроводив его вежливым отказом. Но уверенность, с которой был изложен способ 1, почему-то беспокоила ее. Она набросала несколько слов на листке бумаги, изобразила крупный вопросительный знак, приколотла записку к рукописи и отправила главному редактору. На следующий день все вновь оказалось у нее на столе с еще одним торопливо нацарапанным посланием: «Написано омерзительно, но сам план выглядит почти реальным. Почему бы вам не поинтересоваться мнением Фрэнка Уорделла на сей счет?»

Фрэнк Уорделл был вице-президентом банка, обслуживавшего издателя их журнала. Мисс Мартин договорилась о встрече с ним за ленчем, вручила ему письмо и рукопись, а сама углубилась в чтение каких-то гранок. Услышав, как ее сотрапезник с присвистом втянул в себя воздух, она подняла глаза и увидела, что он побледнел.

– Осуществимо? – поинтересовалась мисс Мартин.

– Не могу с уверенностью сказать, – отвечивал вице-президент с заметной дрожью в голосе. – Надо посоветоваться кое с кем из отдела кредитования. Но в принципе... Господи, боже мой, это может стоить нам миллионы. Пожалуйста, вы не собираетесь печатать эту штуку?

Мисс Мартин, которая была не бог весть какого высокого мнения об интеллекте банковских деятелей, ответила уклончиво. Разволнованный банкир оттолкнул тарелку.

– А ведь он пишет, что у него есть еще способ 2. Если он похож на первый, это может пустить ко дну все банковское дело.

Затем ему пришла в голову новая мысль:

– Он называет это «Три способа ограбить банк». Значит, подготовил и способ 3. Кошмар! Нет, нет, мы не можем позволить опубликовать это.

В разговоре с мисс Мартин это был неудачный ход. Она отобрала у собеседника бумаги и только после того, как он нарисовал ей плачевную картину возможной гибели национальной экономики, неохотно разрешила ему забрать их с собой в банк.

Он позвонил ей несколько часов спустя:

– У нас было срочное совещание. В отделе кредитования думают, что первый способ вполне осуществим. По видимому, он законен, но если даже и нет, мы разоримся на одних судебных исках. Мисс Мартин, мы хотим, чтобы вы купили этот рассказ и передали авторские права нам. Ведь тогда он не сможет продать рассказ кому-нибудь еще, не так ли?

– В его теперешней форме – нет. Но он вполне может написать другой рассказ, использовав в сюжете тот же

способ. И мы не покупаем материалы, которые не собираемся печатать.

Но после поспешно организованной встречи между представителями Городской банковской ассоциация и издателем было решено приобрести рассказ Натана Уэйта и запереть рукопись в самый надежный сейф самого крупного банка. В интересах национальной экономики.

Во время совещания старый капиталист, чем-то поразительно смахивающий на ископаемого ящера и «стоящий» не менее нескольких миллионов долларов, затронул вопрос о плате Натану Уэйту.

– Придется выкупить это его творение, – проворчал он. – Сколько вы платите за такие рассказы?

Мисс Мартин, зная, что автор ранее не публиковался и, следовательно, не имеет «имени», назвала цифру.

– Но, – добавила она, – поскольку рассказ так и не будет напечатан, а значит, не попадет ни на телевидение, ни в зарубежные издания, следовало бы надбавить.

Ящер запротестовал:

– Нет, нет! Об этом и думать нечего. Мы ведь не вернем своих денег. А кроме того, нам еще предстоит купить способы второй и третий. Так что вполне хватит обычной платы.

Так как в ассоциацию входило тридцать банков и каждому из них пришлось бы выплатить за рассказ не менее десяти долларов, мисс Мартин не удалось вызвать в себе чувство сострадания к Ящеру.

В тот же день она отправила Натану Уэйту чек и письмо. В нем говорилось, что пока не представляется возможности назначить точный срок опубликования, но ре-

дактор с нетерпением ждет рассказов с описанием второго и третьего способов ограбить банк. Мисс Мартин с отвращением поставила под письмом свою подпись: она прекрасно знала, что для начинающего автора чек – ничто по сравнению со славной возможностью увидеть свое детище напечатанным.

Через неделю пришли письмо и рукопись, озаглавленная «Три способа ограбить банк. Способ 2». Рассказ был написан катастрофически плохо, по способ выглядел впечатляюще. На этот раз речь шла об особых чернилах и компьютерах. Как было договорено заранее, мисс Мартин отнесла рукопись Фрэнку Уорделлу. Тот быстро прочел и содрогнулся.

– Этот человек гений, – пробормотал он, – Правда, у него и опыт богатый...

– Что такое? Откуда вы знаете, что он собой представляет?

– Напустили на него одно из лучших детективных агентств...

Голос мисс Мартин звучал угрожающе ровно:

– Вы подослали сыщиков к мистеру Уэйту, человеку, о котором только узнали из его переписки с нами.

– Разумеется, – Уорделл, видимо, был несколько удивлен. – Уж слишком опасные у него знания. Мы думали, может, тут не только писание рассказиков. Но, как я уже говорил, к нему не придерешься. Много лет работал в банке, в каком-то городишке. Год назад отправили на пенсию. На его место надо было устроить племянника председателя правления. Пенсия – десять процентов от его прежнего жалования.

– Вы сказали, много лет. Сколько?

– Двадцать пять.

– Тогда, естественно, он не обиделся, когда его так вот выставили с работы, – сухо прокомментировала мисс Мартин. – Дайте-ка мне еще разок письмо.

В письме автор сердечно благодарил издателя за чек и за то, что редакция приняла его рассказ. Затем он, в частности, писал: «Я полагаю, Вы ознакомили Вашего банкира со способом первым. Надеюсь, Вы не преминете сообщить ему и о втором способе; просто для того, чтобы он как специалист подтвердил его эффективность. Как я уже указывал, этот способ почти наверняка законен».

– Он законен? – поинтересовалась помощник редактора.

– Кто?

– Не кто, а что. Второй способ.

– Точнее, не незаконен. Чтобы сделать его незаконным, каждому банку, использующему компьютеры, придется изменить форму документов и порядок их оформления. На это уйдут месяцы, а тем временем мы потеряем еще больше миллионов, чем в случае со способом номер один. Это ужас, мисс Мартин, просто ужас!

Второй способ поверг Городскую банковскую ассоциацию в состояние паники. Было решено немедленно купить второй рассказ и навечно утаить его от мира. Банкиры пришли также к выводу, что поскольку способ номер три может оказаться еще более убийственным, не следует ждать, пока мистер Уэйт сотворит новые произведения. Был разработан некий план. В соответствии с ним мисс Мартин должна была пригласить мистера Уэйта прибыть

из Коннектикута якобы для задушевной беседы с ним как с начинающим литератором. На самом же деле ему предстояло предстать пред светлые очи комиссии, назначенной ассоциацией. «Мы натравим на этого типа наших юристов, – заранее злорадствовал Ящер. – Мы ему покажем, где раки зимуют. Надо заставить его раскрыть нам этот чертов третий способ, а потом как-нибудь заткнуть ему рог навсегда».

Мисс Мартин этот план был крайне не по душе.

Больше всего злило ее поведение финансистов. Они явно считали Натана Уэйта кем-то вроде обыкновенного уголовника. Но делать было нечего: она позвонила в Коннектикут.

Голос по телефону звучал удивительно молодо:

«Полагаю, мне здорово повезло, что удалось пристроить сразу два рассказа. Поверьте, мисс Мартин, я очень благодарен вашей редакции. Конечно, я с удовольствием приеду и повидаюсь с вами. Кстати, зовите меня просто Нат, без всяких мистеров. Мы с вами поговорим о способе номер три. Можете быть уверены, что уж он-то абсолютно законен».

Он появился в кабинете мисс Мартин точно в назначенное время – невысокий человек за пятьдесят, с отливающими серебряным блеском седыми волосами, разделенными прибором по моде давно прошедших лет. На загорелом лице выделялись пронизательные голубые глаза. Он поклонился с очаровательной учтивостью, заставившей мисс Эдвино почувствовать себя настоящим Иудой.

– Мистер Уэйт, я...

– Нат, просто Нат, прошу вас.

– Хорошо, Нат. Я хочу сказать, что возмущена всей этой историей и просто не понимаю, как мы могли позволить уговорить нас пойти на такое. Нат, мы купили ваши рассказы не для того, чтобы напечатать их. По правде говоря, вы уж извините меня за откровенность, сами рассказы просто ужасны. Мы купили их потому, что банк, вернее сказать, банки попросили нас об этом.

Он нахмурился.

– Ужасны, говорите? А я думал... Мне казалось, что этот, насчет второго способа, не так уж плох.

Мисс Мартин сочувственным жестом коснулась его руки и вдруг увидела, что он весело улыбается.

– Само собой, они были ужасны, – сказал мистер Уэйт. – Я нарочно их так написал. Уверяю вас, это совсем не легче, чем написать хорошо. Значит, банки решили, что эти способы сработают? Ничего удивительного.

– Еще больше их интересует третий способ. Они хотят заплатить вам за то, чтобы вы не писали его.

– Ну, литературный мир от этого не так уж много потеряет. Городская банковская ассоциация? Там у них управляет этот старик, что похож на крокодила?

Мисс Мартин, прочитавшая тысячи детективных рассказов и умевшая с первого взгляда оценить их сюжет, отступила на шаг и взглянула на собеседника.

– Вы уже все знаете об этом.

– Не все. Но у меня был свой план. И когда они пустили по моему следу сыщиков, я понял, что рассчитал правильно.

– Они не имели права поступать так! Мы к этому не имели никакого отношения, поверьте. И я не собираюсь

идти на это их сборище. Все, я умываю руки. Пускай покупают ваш рассказ сами.

– А я хочу, чтобы вы пошли. Возможно, это вас позабавит.

Мисс Мартин согласилась при условии, что он потребует дороже, чем ему якобы заплатил ее издатель

– Я и сам собирался, – успокоил ее мистер Уэйт.

За ленчем он рассказал ей кое-что о своей работе в банке и гораздо больше – о своей теперешней жизни в маленьком коннектикутском городке. Мисс Эдвина с удивлением узнала, что этот простой в обращении провинциал – довольно известный математик-любитель, знаток кибернетики и уважаемый астроном.

– Я не очень огорчился, когда мне пришлось уйти из банка, – рассказывал он. – Полагаю, я мог бы найти себе другое, и более выгодное место в городе покрупнее. Но к чему? На жизнь мне хватает, а главное, у меня теперь достаточно времени для того, что бы заниматься делами, которые меня действительно интересуют. Жена моя умерла спустя несколько лет после того, как мы поженились, так что никто не подгонял меня и не заставлял делать карьеру. К тому же есть нечто своеобразное в маленьком банке в маленьком городе. Знаешь каждого вдоль и поперек – и по временам можешь несколько отступить от правил, чтобы выручить хорошего человека. Банкир там по-своему не менее важен, чем городской врач. Сейчас это, увы, уже не так. Все автоматизировано и рационализировано. Чисто человеческий элемент исчезает из нашей работы. А сэкономленные таким образом деньги банки тратят на идиотскую рекламу по телевидению. Кстати сказать, такая одна реклама и навела меня на мысль написать рассказы.

Мисс Мартин улыбнулась.

– Нат, вы заставили нас подыграть вам, – улыбка на ее лице угасла. – Но даже если вы вытянете что-то у этих акул за способ номер три, их этим не прошибешь. Да и деньги они вам заплатят не из своего кармана.

Голос Уэйта звучал мягко, но уверенно:

– Важно заставить их понять, что всегда найдется человек, который перехитрит любую механическую чертовщину, придуманную другим человеком. Если мне удастся внушить им, что нельзя изгонять из нашего дела все человеческое, я буду удовлетворен.

Мисс Мартин, несколько тревожившаяся за Натана Уэйта, внезапно воспрянула духом. Нат, пожалуй, окажется не по зубам и дюжине хищных ящеров.

Комиссия в составе двенадцати членов Городской банковской ассоциации под председательством «старика, похожего на крокодила», подкрепленная отрядом из десятка юристов, ожидала их.

Заговорил молодой юрист в безукоризненном сером костюме:

– Эти ваши рассказы, за которые мы заплатили... Вы отдаете себе отчет в том, что ваши так называемые методы противозаконны?

– Сынок, я помогал разрабатывать законы о банках для моего штата и время от времени делаю кое-что для Федеральной резервной системы. Буду рад как-нибудь потолковать с вами о банковском праве.

Юрист постарше резко произнес: «Помолчите, Энди». Он обернулся к Нату:

– Мистер Уэйт, мы не знаем, преступны ли ваши пер-

вые два способа. Но мы знаем, что нам потребуется много денег и хлопот, чтобы выяснить это, а тем временем, если эти способы станут достоянием гласности, неизбежны неисчислимы убытки. Нам хотелось бы иметь какую-то гарантию, что такого не случится.

– Вы купили рассказы с описанием первых двух способов. Окружающие считают меня честным человеком. Как выразилась бы мисс Мартин, этими сюжетными ходами я больше не воспользуюсь.

Серый Костюм нагло ухмыльнулся.

– Ну да, на этой неделе. А на следующей? Думаете взять нас на пушку?

Юрист постарше в ярости оборвал его:

– Я сказал – молчать, Энди! Мое имя Питер Харт, мистер Уэйт. Я извиняюсь за моего коллегу. Я считаю доказанным фактом, что вы – честный человек.

Ящер потерял терпение:

– К черту все это! Как насчет третьего способа ограбить банк? Он что, такой же прохиндейский, как первые два?

Нат говорил по-прежнему ровно и спокойно.

– Я бы не назвал это грабежом. Первые два способа – неэтичные, быть может. Что же касается способа три, он законен на сто процентов.

Ящер повелительно поднял руку.

– Мы его покупаем. Та же цена, что за первые два рассказа, и вам даже писать ничего не придется. Только расскажите нам, в чем, собственно, заключается третий способ. Кроме того, мы дадим вам 500 долларов за обещание никогда больше не сочинять рассказов.

Натан Уэйт покачал головой.

– У меня при себе есть одна бумажка, – сказал он. – Ее набросал мой хороший друг, лучший специалист по составлению юридических контрактов в нашем штате. Пусть мистер Харт взглянет на этот документ. Согласно ему ваша ассоциация будет выплачивать мне ежегодно по 25000 долларов вплоть до моей кончины, после чего эти суммы будут также ежегодно переводиться на текущие счета нескольких благотворительных организаций.

Поднялся неопиcуемый галдеж. Мисс Мартин, которой хотелось визжать от восторга, поймала взглядом восхищенную улыбку на лице Питера Харта.

Нат терпеливо ждал, пока уляжется поднятая им буря. Когда шум поубавился настолько, что его голос можно было услышать, он произнес:

– Разумеется, это слишком высокая плата за один рассказ. Поэтому, как предусмотрено контрактом, я займу при Городской банковской ассоциации пост консультанта – скажем, консультанта по человеческим отношениям. Это хорошо звучит. Естественно, в этом случае я буду слишком загружен, чтобы заниматься еще и литературным трудом. Это оговорено в контракте.

Серый Костюм вопил, требуя внимания:

– Ну, а способ третий?! О нем в контракте что-нибудь говорится? Мы должны ознакомиться с ним!

Нат кивнул:

– Я расскажу вам о нем, как только контракт будет подписан.

Тут свое слово сказал Питер Харт:

– Если вы будете столь любезны и подождете в при-

емной, мистер Уэйт, мы обсудим этот документ в своем кругу.

Нат и мисс Мартин ждали.

– Вы были потрясающе, – говорила она. – Думаете, они согласятся?

– Уверен.

Через пять минут Питер Харт пригласил их назад, перед потускневшие очи заметно присмиривших членов комиссии.

– Мы решили, что ассоциация срочно нуждается в консультанте по человеческим отношениям, – заговорил он. – Мистер Грейвс, – тут он кивнул в сторону Ящера, больше всего напоминавшего сейчас резинового надувного крокодила, из которого выпустили весь воздух, – и я сам подписали контракт от имени Городской банковской ассоциации. Кстати, документ составлен безупречно: ни одной лазейки. Теперь дело только за вашей подписью.

Серый Костюм уже снова был на ногах.

– Секундочку! – заорал он. – Пусть сначала расскажет о способе номер три!!

Нат взял контракт.

– Ах, да, – словно про себя произнес он, поставив свою подпись. – «Три способа ограбить банк» Способ третий. В принципе, джентльмены, это довольно просто. Видите этот документ? Ну вот, это и есть третий способ.

ОТКУДА ПРИЗОШЛО НАЗВАНИЕ СКОТЛАНД - ЯРД ¹⁰?

Скотланд-Ярд – это название хорошо знакомо всем, кто читал о приключениях Шерлока Холмса. А вот откуда оно пошло, знают, наверное, немногие.

В давние времена король Эдгар Миролюбивый пожаловал Шотландии земельный участок в Лондоне, чтобы там был дворец для шотландских королей, приезжавших с визитом. В дословном переводе Скотланд-Ярд означает Шотландский двор.

Впоследствии название Скотланд-Ярд было механически перенесено на лондонскую уголовную полицию, которая с 1829 по 1890 год находилась в помещении, примыкавшем к дворцу. Новое здание, построенное на набережной Темзы для центрального управления полиции, стало называться Новый Скотланд-Ярд.

УДАР ПО ГОЛОВЕ¹¹

¹⁰ Наука и жизнь. 1966. № 3.

¹¹ Наука и жизнь. 1966. № 9.

ПРОШУ извинения, – сказал инспектор Варнике, войдя в квартиру супругов Н. – Примерно двадцать минут тому назад я проходил мимо вашего дома, как вдруг на голову этого гражданина упал горшок с цветком. Мы не смогли прийти к вам сразу же, так как я вместе с пострадавшим отправился в больницу, где ему сделали перевязку. Но я заметил, что горшок вылетел из вашего окна.

Лицо хозяина квартиры залилось легким румянцем.

– Вы ошибаетесь, инспектор, этого не могло произойти. У нас окна были закрыты, да и мы сами только что вернулись домой, буквально за минуту до вашего прихода.

– Дома вы находитесь уже давно, и для вас будет лучше, если вы тут же, на месте, уплатите пострадавшему штраф, – заметил инспектор Варнике после некоторого размышления.

Почему инспектор Варнике пришел к такому выводу?

● НЕВЕРОЯТНОЕ

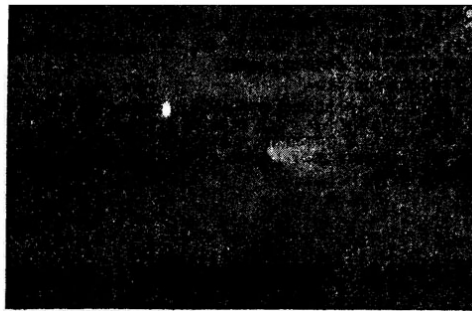
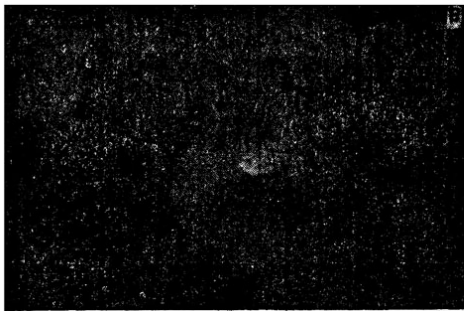
С. КАЗАНЦЕВ

НЛО НАД УРАЛОМ?

Ничего удивительного. Аномальные атмосферные явления (ААЯ) много лет наблюдают в разных районах планеты. Урал – не исключение. Свердловчанам памятен случай почти десятилетней давности, о котором писали газеты: когда пылающий шар, видимым размером с теннисный мячик, около двух часов, с 5 до 7 вечера, путешество-

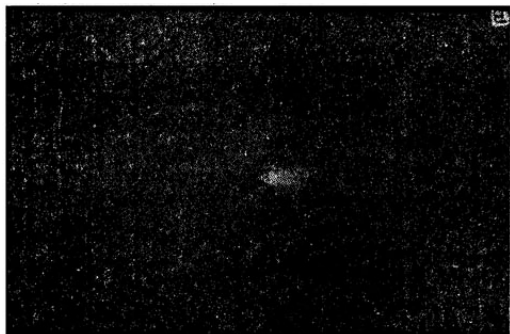
вал по западной стороне неба с севера на юг, а затем расплылся в сияющее кольцо, охватившее весь небесный свод и в течение получаса угасшее...

Большинство наблюдавшихся ААЯ получили свое объяснение. Это запуски ракетносителей, отразившихся в верхних слоях атмосферы за сотни километров от старта; сгорание падающих на Землю остатков спутников и ракет, которых тысячи скопились на околоземных орбитах. Вулканический пепел, а более всего – промышленные выбросы, сгущаясь, образовали в атмосфере такие «кривые зеркала», что в них причудливо миражируют самые обычные огни: восход Венеры, извержения вулканов, ракетные запуски, карьерные взрывы и даже всполохи электросварки... Однако остаются еще необъяснимые явления.

К примеру – «Черный принц», замеченный несколько лет назад многими обсерваториями. Неизвестное космическое тело обнаружилось по тому, что, двигаясь, перекрывало свет звезд. При этом оно оставалось абсолютно черным. Ни один земной спутник пока не способен полностью поглощать световые лучи. Необычность была еще в том, что «Черный принц» двигался с востока на запад. Все земные космические аппараты запускаются в противоположном направлении – с запада на восток, при этом само

вращение Земли подталкивает их, помогает выходу на орбиту. Нерационально тратить до 15 процентов мощности ракетносителя, чтобы просто поменять направление движения спутника, который к тому же и на орбите будет тормозиться рассеянным шлейфом земной атмосферы, вращающимся вместе с планетой. Проследовав, видимо, мимо Земли, таинственный объект исчез. Навсегда ли?

Странную закономерность заметил я по сообщениям нашей и зарубежной печати об ААЯ. Они как бы группируются то над одним, то над другим районом. Серии наблюдений их кочуют по планете.

Неужели дошла очередь до Урала? За два месяца – три свидетельства очевидцев. Вначале разговоры о светящемся шаре над свердловским цирком. Затем сообщение В. И. Шилова из села Ключ Ачитского района Свердловской области. Валерий Иванович сообщает, что 15 марта жители села стали свидетелями интересного явления. Около 19 часов на небе появился светящийся объект с небольшим бесформенным «хвостом». Он медленно летел с запада на восток. Полет продолжался около 30 минут, в конце его «хвост» угас – осталась звездочка и вдруг она выбросила новый «хвост», наподобие взрыва, и исчезла. Валерию Ивановичу удалось сфотографировать таинственное явление. Он прислал негативы. Публикуем отпечатки с них (слева направо, по направлению движения объекта, в том порядке, как пронумерованы кадры на пленке).

Настораживает последний кадр: как похоже на комету! (О болиде я не говорю – тот пролетает за считанные секунды, оставляя длинный дымный след). Но, так известно, солнце заходит на западе. Значит, «хвост» сфотографированного объекта направлен как раз на солнце. В то время как хвосты комет тянутся в противоположную от Солнца сторону: «солнечный ветер» гонит кометную пыль.

Необъяснима для атмосферного полета и малая скорость движения летящего объекта. Не говоря уж о мгновениях полета как естественных метеоритов, так и искусственных – остатков спутников и ракет, – напомним, что реактивные самолеты и подобные им аппараты пересекают небосвод за считанные минуты, но уж никак не за полчаса. При такой угловой скорости движения объекта возможна и космическая его линейная скорость, но тогда он должен находиться на таком расстоянии от Земли, где уже нет и частиц атмосферы, трение о которую раскаляет тела до свечения. В нашем случае светящийся «хвост» можно принять за выхлопы работающих двигателей.

И третье свидетельство очевидца. Рассказывает писатель-фантаст, доктор технических наук Сергей Александрович Другаль:

– 26 апреля в 23 часа 10 минут я заметил из окна своей квартиры (неподалеку от свердловского железнодорожного вокзала) сияющий цветом звезд шар величиной с лунный диск. Он летел на высоте примерно 3-8 км от Сортировки в сторону Химмаша, т.е. с северо-запада на юго-восток. Скорость движения: от горизонта до зенита – 15-20 секунд. От шара исходило 3-5 лучей в сторону, противоположную движению. Лучи сильно расходящиеся, дли-

ной 15-20 километров, яркие, затем затухающие. Когда объект скрылся за соседним домом, лучи лишь постепенно теряли яркость свечения. Это явно не инверсионный след, а световые лучи, похожие на работу двигателей световой энергии, т. е. фотонных.

Это был не болид. Я сам видел болид в 1953 году в Уссурийске – ничего похожего.

В момент пролета шара над районом вокзала в вычислительном центре Свердловской железной дороги, по словам дежурного механика, выключились ЭВМ.

В нашем НИИ железнодорожного транспорта, по словам вахтера, на несколько секунд погас цвет, потом снова загорелся.

Неопознанный летающий объект наблюдали еще насколько моих коллег, – они могут подтвердить.

«Пусть мне теперь не говорят, что нет НЛО, – закончил свой рассказ С. А. Другаль, – я видел его сам, находясь в здравом уме и твердой памяти».

...Что это было?

Ах, как хочется поскорее встретить братьев по разуму! Как хочется верить, что все-таки есть они где-то во Вселенной. Кто хоть раз в жизни испытал одиночество, тот поймет эту тоску землян...

Впрочем, я на могу, не имею права подводить вас к мысли об инопланетных визитерах, опираясь на приведенные факты. Ничего, ничегошеньки не доказано... И вообще, вземные цивилизации – тема для отдельного, большого разговора.

Фото В. ШИЛОВА

П. КАЛМЫКОВ

ИСТОРИИ КОРОЛЯТНИКА

АНОНС

*И можно утверждать наверняка,
Что где-то – уж не знаю, где,
но где-то.*

*Вокруг звезды вращается планета,
Которую я выдумал вчера.*

Эта планета называется Бланеда...

КОРОЛЬ Врандзии Зереша Четвертый вернулся с войны. Попрощался с маршалами и генералами и пошел домой, во дворец. Во дворце на него сразу же набросились слуги, стали раздевать его, умыть, кормить, чистить ему зубы и укладывать спать. А заснул король уж сам, слишком он устал.

Утром Зереша Четвертый проснулся в хорошем настроении.

– Можно к вам? – спросил, заглядывая в спальню, полководец Антрюжа. – Доброе утро, ваше величество!

– Доброе! – согласился король. – Ну, маршал, как вам наша вчерашняя война?

– Да, – осторожно ответил Антрюжа, – еще бы чуть-чуть, и тогда бы все...

– ...И мы бы стерли Идалию в порошок! – подхватил Зереша. – Времени не хватило. Послезавтра кончается перемирие с Избанией. Уж эту Избанию я точно сотру в порошок!

– Вот-вот, я по поводу порошка, ваше величество. Может, отложим это дело? Может, продлим перемирие?

– Почему?! – изумился Зереша.

– Ну... в общем, армия у меня разваливается, – признался полководец. – Солдаты не слушаются.

– В угол ставил? – строго спросил король.

– В какой угол, ремнем луплю... Не помогает. Давайте, говорят, получку, а то воевать не пойдем.

– А им разве не платят?

– Ни гроша уже полгода. И мне, в том числе. Но мне-то ладно, я богатый.

– Так, – сказал серьезно Зереша Четвертый. – Где министр финансов?

– ... А что министр финансов? – спросил министр финансов, выглядывая из-за портьер. – Нету у меня денег, нету!

– А где они?

– Девались.

– Куда девались?

– Сами знаете, куда. Не полицию – раз?

– Раз, – согласился король и загнул палец.

– Новый дворец строится – два...

– Ну, два. Чем я хуже других королей, мне тоже нужен новый модный дворец!

- Ананасы на полдник – три?
- А что ананасы?
- Так ведь их с Южных Островов привозят, дорогое удовольствие...
- Все, бросаю есть ананасы. Дальше?
- Пушки новые покупали? Покупали! А порох, лошадей, а форму для солдат?
- Ну, военные расходы – это дело святое. Остальное-то куда?
- Остальные деньги уходят на содержание дворца. Чуть меньше, чем на армию.
- Мама моя королева! – вскричал потрясенный король,
- Будем сокращать штат, увольнять лишних!..

КТО это у нас приехал? – спросил профессор Ифаноф. Распахнулась дверь караты, перед ней выстроились коридорчиком слуги, Придворный вывел карапуза в королевской одежде и громко объявил;

– Его высочество Фофа!.. Наследный принц Анилии, граф Тарарамский, князь Трататамский, герцог Драмбамбамский!.. Полковник артиллерии, инфантерии и кавалерии, почетный член четырех Академий...

Профессор Ифаноф терпеливо выслушивал титулы, недоумевая – когда это малыш успел дослужиться до полковника.

Кареты шли караванами.

Сначала королевичи и королева были такие важные, надменные и молчали. Но не век же молчать! И вот один принц из младшего класса сказал:

– А мой папа – самый великий король, он одной рукой солдата поднимает!

– Ой, солдата!.. Да мой – двух солдат!..

– А мой – трех!!

– А у моего папы армия больше всех...

– А сколько у него солдат?

– Миллион!

– Ха! У моего два миллиона.

– ...А я стану королем – всех вас разобью!

– А я...|

Принцессы заперлись на крючок. Сквозь дверь из палаты доносились смех и визг, топот босых ног и хлопанье подушек. Принцессы рассказывали всякие истории...

Давным-давно, триста лет назад, мы жили в старом замке. И вот однажды родители уехали на бал, а в замке остались только я, сестра и слуги. Ну, мы с сестрой стали играть, будто у нас тоже бал, танцы... И вдруг слышим, ТАКОЙ голос говорит: «Девочки, а девочки, в ваше имение въезжает черный рыцарь». А мы думаем: «А, показалось!» – и дальше танцуем. Целый час проходит, мы уже про это забыли. И тут опять ТАКОЙ голос говорит: «Девочки, девочки, Черный рыцарь подъезжает к вашему замку». Сестра говорит: «Ты слышала?» А я отвечаю: «Нет, ничего, показалось тебе». А самой страшно. А голос уже говорит: «Черный рыцарь стучится в ваши ворота!» И слышится ТАКОЙ стук... Слуга спрашивает: «Открыть?» Сестра говорит: «Ой, не надо!» А я думаю: «Ну, подумаешь, черные латы. Чего мы будем боять-

ся благородного рыцаря?» – и говорю слуге: «Открывай». Слуги опускают мост, открывают ворота. И въезжает рыцарь... Латы – как черное стекло, сам смуглый, а глаза черные, пронзительные. И перо на шлеме черное, и конь черный-пречерный... Слезает он с коня и так изысканно кланяется и говорит мне: «Сударыня, я хочу попросить у вас ночлега».

А моя сестра влюбилась в него с первого взгляда, про все страхи забыла. В общем, мы его пригласили в гостиную, поужинали с ним, побеседовали и стали играть в карты. Ну, вот, а у меня карта под стол упала, дама пик. Я нагибаюсь и вижу: рыцарь под столом разулся, а у него вместо ноги – КОПЫТО... Я подняла карту. Он на меня ТАК посмотрел и ничего не сказал. Ну, мы доиграли, а потом пошли по своим спальням, а сестра ничего не знала. Я у себя заперлась, всю ночь от страха дрожала. А утром просыпаюсь – а сестры нигде нет... Зову слуг – не отзываются.

Захожу в сестрину комнату. Она стоит ТАКАЯ, посреди комнаты, с испуганным лицом и окаменелая. Потом нашла слуг – они тоже каменные. А рыцаря и след простыл. А у меня в покоях к столу кинжалом приколоты записка: «Вас спасла дама пик». В общем, этот рыцарь был черт. Он всех превращал в камень, кроме тех, кто узнавал, что он черт...

Девочки замороженно молчали. А потом Надажа шепотом спросило.

– А сестра так и осталась каменная?

– Нет. Она простояла семьсот лет, вся покрылась пылью и паутиной, даже платье ее истлело. А замок наполовину развалился. А потом ее увидел прекрасный принц и решил, что это статуя. Но она была такая прекрасная, что он ее поцеловал, и она ожила.

– А слуги?

– А слуги так и стоят...

– К большому сожалению, – извинился маэстро Зиторенго, – обсерватория закрылась на учет, и экскурсии сегодня не будет. Пока все звезды не пересчитают, – она не откроется. Давайте вместо этого будем рассказывать сказки. Кто у нас лучший сказочник?

Королевы выдвинули Дамару. Журиг выдвинулся сам.

– Чур, первый! – сказал он,

– Чур, вторая, – согласилась Дамара.

И Журиг начал.

У одного кузнеца был сын, Кузнец хотел, чтобы он стал тоже кузнецом, а сын хотел стать рыцарем. Отец сердился: «Ну, послушай. Рыцари все дворяне, а ты – нет». А сын ему: «Ну и что, я буду странствующим рыцарем. Кто там разберет – дворянин, не дворянин. Выкую себе латы и поеду». Отец закричал: «Никаких тебе лат! Ни куска железа не дам!» А сын тогда облазил все помойки, нашел там самовар и медный котелок и сделал себе панцирь и шлем. Украл у цыган лошадь и поехал.

Едет, едет – видит: на дороге старик стоит с шахматами под мышкой:

- Рыцарь, давай тебе бесплатно погадаю.
- Ну, погадай. А на чем?
- На шахматах. Они никогда не врут.

Старик поставил себе мат, глядел, глядел и говорит:

– Ну, все ясно, рыцарь. Все твои беды будут от женщин.

Рыцарь поехал дальше, а сам думает: «Шахматы не карты, игра научная. Должны правду говорить... А черт с ней, с дамой сердца! Обойдусь как-нибудь. Буду БЕЗДАМНЫМ РЫЦАРЕМ».

Приезжает он в столицу, а там объявления висят, трубы трубят. Рыцарский турнир для всех желающих. А приз – золотой меч.

А на поле уже толпа рыцарей. Все дворяне, один кричит: «Моя дама сердца – самая пресамая!». Другой кричит: «А моя еще самее!». Третий кричит: «Моя дама вообще всем дамам дама!»

А рыцарь в самоварных латах как гаркнет:

– Все ваши дамы не стоят моей мамы!

Сразу тишина наступила. А он говорит:

– Ну, кто на меня?

Выезжает рыцарь-верзила:

– Ну, я на тебя!

– А кто еще? Нападайте все!

Все напали! И создалась теснота такая, что никто меча поднять не может. А Бездомный рыцарь, хоть и не дворянин, зато с детства кузнечным молотом махал. Схватит одного за ноги, раскрутит над головой – и трах! – рыцари, как доминошки, падают.

Начался финальный поединок. Верзила – прыг на коня, и давай они оба по полю носиться, туда-сюда, туда-сюда. Бездамный увернулся, верзила – трах! – в дерево, аж вороны посыпались.

Так что Бездамный победил, получил меч и собрался уезжать. А все дамы его спрашивают: «А почему вы без дамы? Может, еще не выбрали? Может, меня выберете?». А он говорит: «Нет, у меня никогда не будет дамы. От них все беды. Смотрите: все, кто с дамами – вон валяются».

И уехал. После того случая многие рыцари дам побросали.

Приезжает Бездомный в один город, а город на замке. Стучится – не открывают. Он давай ногами – бам-бам-бам! Люди из-за стены повысовывались, худые-худые:

– Не стучи, мы уже три месяца никому не открываем, без еды сидим. Тут дракон трехголовый ходит, всех съедает.

А дракон тут как тут, хвостом по стене стучит – та аж трясется. Увидел рыцаря и спрашивает:

– Что, тоже стучишься? Не откроют. погоди, еще кипятком обливаться будут! Это я их так запугал. Слушай, давай с тобой биться. Кто проиграет, того я съем.

Стали биться. Бездамный – вжик! – мечом... У дракона голова – шлеп! – и тут же новая вырастает. И пламенем, пламенем поливает рыцаря. Уже лошадь изжарилась и умерла, а рыцарь и не думает сдаваться. Наконец оба устали и проголодались, у

дракона огонь кончился. Заключили чурики – перерыв на обед. Разогнали ворон с жареной лошади, стали ее есть.

– И в кого ты такой хулиганистый? – спрашивает Бездамный.

– В папу, – говорит дракон, – он меня так воспитал.

А рыцарь, хоть и Бездамный, и даже бездомный, – но зато не бездумный; «Когда голову дракону срубашешь по одной, то новые берут пример с других и тут же неправильно воспитываются. А срублю-ка я все три разом!»

И после обеда ка-ак рубанет! И все три головы с плеч долой... А у самого больше сил не осталось – стал он цветочки собирать.

Тут у дракона новые головы повылазили и оглядываются – с кого бы пример брать? Видят – рыцарь цветы собирает. И тоже давай собирать. А это доброе занятие, и стал дракон добрым.

С той поры Бездамный рыцарь с драконом ходили по Бланеде и совершали подвиги. Вдвоем им некого было бояться. А даму себе рыцарь так и не завел. Зачем ему дама, когда у него дракон есть.

Королевичам сказка Журига очень понравилась, А королевнам почему-то не очень,

И вот наступил долгожданный родительский день. С раннего утра вся Школа Мудрых Правителей была взволнована. Волновался про-

фессор Ифанов, волновались учителя, волновались принцы и принцессы. Самые нетерпеливые сидели на заборе и смотрели на дорогу. Завидев издали карету, кричали: «Едут, едут!» и бежали смотреть, кто там приехал.

Карета подъезжала, и из нее выходила величественная дама-королева и немного растерянно смотрела на толпу встречающих, выискивала глазами своего ребенка.

В укромном уголке величественная королева могла быть просто мамой.

– Ну, как ты тут? – спрашивала она.

– Да ничего... Нормально, – отвечал принц.

– Кормят-то хорошо? А я вот тебе ананасовое желе привезла, твое любимое... Значит, не скучно тут у вас? А то я хотела уж карлика-шута прислать.

– Да ну, не надо!

– Ау нас заговор недавно раскрыли. Отец первого министра казнил. Да вот с Керманией все воюем потихоньку. А так все по-старому живем...

К Миже приехал из Врандзии Зереша Четвертый. К принцу Доле прискакал верхом его самостоятельный папа Доля Второй. Приехал гордый отец гордого Гольги.

К близнецам Вете и Фиде приехала мама из Коллантии, привезла волка:

– Вот. Привезла. Не ест без вас ничего, лежит и смотрит... А ночью воеет на весь дворец – просто жуть... Совсем ослаб, уже стоять не может...

Ветя и Фидя обнимались с тощим волком, а он покусывал, вилял хвостом и все хотел облизать братьям щеки. Ветя поцеловал его в нос.

– Тьфу! – сказала королева. – Целуется еще с ним.

– Да он чистый! – в один голос сказали братья.

К Журигу никто не приехал. Напрасно он просидел целый день на заборе.

ВЕЧЕРОМ в здании Барламенда состоялось родительское собрание на высшем уровне, Профессор Ифаноф никогда раньше не думал, что бывает столько королей и королев сразу; в глазах у профессора рябило от горностаевых мантий, а короны сливались в один сплошной золотой частокол.

Профессор рассказывал, какие у него ученики, и всех хвалил. Тут из частокола вынырнул какой-то недоверчивый король:

– Не может быть, чтобы все ученики были хорошими!.. Плохие тоже бывают! Вы, наверное, обманываете!..

– Я не обманываю, – сказал Ифаноф. – Плохие ученики бывают, когда учиться неинтересно. А у нас интересно.

– А если ученик дурак? – не сдавался недоверчивый король.

– Ваши величества, – обратился Ифаноф к залу, – у кого из вас дети дураки, прошу поднять руку... Вот видите, дураков нет.

– А денег хватает? – спросил кто-то.

– Хватает-хватает, – ответил Ифаноф.

– Не может быть! – снова поднялся недоверчивый король. – Так не бывает, чтобы денег хватало.

– Можно, я о деньгах? – вмешался глава правительства Здраны. – Если хотите знать, ваши величества, денег у нас полно. Всего два месяца мы ни с кем не воюем, и уже так разбогатели, что улицы булыжниками вымостили, двор-

ников завели, а по ночам на площади фонари зажигаем... Вот такушки!

Короли сразу зашумели, запереговаривались. А король Врандзии Зереша Четвертый воскликнул:

– Слушайте, как вас там, вам все равно деньги девать некуда, займите мне десять миллионов! Я потом хоть двадцать отдам, позарез сейчас нужны!

– Извините, ваше величество, у нас закон: воюющим странам денег не занимать.

– Да я скоро уже бросаю воевать, – слово короля! С Избанией вот довоюю и брошу!

– Нет, ваше величество, вы уж бросьте сначала.

Делать нечего: нашел Зереша в зале избанского короля Фазю Десятого, подали они друг другу мизинцы и сказали: «Мирись, мирись и больше не дерись». Неприятели стали приятелями.

Как назло, пока Зереша Четвертый мирился, король Идалии нечаянно толкнул гордого Гольгиного отца. И Гольгин отец не стал слушать извинений – сразу объявил Идалии войну. А Зереша Четвертый был Гольгиному отцу союзник, и теперь он тоже втягивался в войну с Идалией.

– Ладно, – махнул он рукой, – шут с ними, с десятью миллионами. Зачем мне деньги, если не воевать? А Идалию я и так в порошок сотру!

– Это еще вопрос, кто кого во что сотрет! – вскочил король Идалии и кинул Зереше через весь зал перчатку. Зереша перчатку поймал, и оба пошли на улицу драться на шпагах.

После собрания короли стали разъезжаться – всех ждали государственные дела. Лишь Гольгин отец заехал к сы-

ну в Королятник и хотел его напутствовать:

– Ты, вот что... Ты с Фалеригом, который из Идалии, не играй. И вообще можешь ему морду набить, я его отцу сегодня войну объявил. А с Мижей играй. С ними у нас военный союз.

Гольга гордо ответил, что будет дружить, с кем хочет, и что пусть отец сам за свои ссоры отвечает. Отец дал ему крепкого подзатыльника, сказал: «Весь в меня!» – и уехал.

Н. ГУМИЛЕВ

СТАРЫЙ КОНКИСТАДОР

Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конкистадор,
В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады.

Восемь дней скитался он без пищи,
Конь издох, но под большим уступом
Он нашел уютное жилище,
Чтоб не разлучаться с милым трупом.

¹³ Г у м и л е в Н. С. «Стихотворения и поэмы». Ленинград. 1988 г. «Библиотека поэта».

Там он жил в тени сухих смоковниц,
Песни пел о солнечной Кастилье,
Вспоминал сраженья и любовниц,
Видел то пищали, то мантильи,

Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ил злости,
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.

(1908)

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» при Средне-Уральском книжном издательстве и журнале «Уральский следопыт».

Над первым выпуском «ПиФа» работали: Н. Кузовлев, Н. Широкова, С. Казанцев, Л. Кудрина, М. Козловский, Н. Мухин, О. Аржанников, М. Пудовкин.

Художники: И. Любарский, С. Копылов.

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов.

Свердловск: Сред. Урал, кн. изд-во. 1989. – 32 с.

Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Средне-Уральское книжное издательство и журнал «Уральский следопыт».

Типография изд-ва «Военный железнодорожник».

